

ЕЛИЗАВЕТА ГЕТТИНГЕР

ВМЕСТЕ
ОБРЕСТИ
СЕЙЧАС

АВТОРСКИЙ ДЕБЮТ 2020

ловушки расставлены...

...включен радар

12+

Елизавета Геттингер

Вместе обрести сейчас

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65842841

SelfPub; 2021

Аннотация

Слова-пароли в названии отражают главную мысль произведения – только сообща можно сделать правильный выбор и достичь желаемых целей. Настоящая книга, полная мистики и драматизма, в то же время легкая и трогательная история молодых людей из разных стран, неслучайно оказавшихся в одном месте в одну единицу времени. Это свежий взгляд на классическое преступление и наказание; пособие по практической психологии, наполненное поэзией пограничных состояний героев; красивая и поучительная история о дружбе, сложности выбора, ожесточенной борьбе за жизнь и преодолении; книга судеб.

Это история о каждом из нас.

Содержание

Часть 1	4
Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	16
Глава 4	25
Глава 5	32
Глава 6	36
Глава 7	52
Часть 2	62
Глава 1	63
Глава 2	67
Глава 3	78
Глава 4	81
Глава 5	88
Глава 6	106
Глава 7	120
Послесловие	145

Елизавета Геттингер

Вместе обрести сейчас

Часть 1

Ловушки расставлены, включен радар

Глава 1

Я живу в промышленном¹ городе Восточного Казахстана, городе, уютно расположившемся у берега величественного Иртыша. Квартира моя имеет одно преимущество, окно, выходящее на городскую набережную, позволяющее ежедневно любоваться рассветами и закатами на реке. В этом году заканчиваю одиннадцатый класс школы-лицея. О выборе моей будущей профессии в нашей квартире идут баталии уже около года. Одноклассники мои давно определились с выбором, полный класс юристов и финансистов, четко знающих, но, к сожалению не понимающих чего хотят в жизни. Скукатель галимая. Забегу немного вперед, никто из «будущих юристов-финансистов» ни юристом, ни финансистом не станет. Я же не то, что затрудняюсь в выборе профессии, у меня попросту нет конкретного предпочтения. Не знаю что со мной, но недавно поймала себя на мысли о том, что мне как вероятно всем детям никогда не задавался вопрос: «кем ты хочешь стать, когда вырастешь?» Моя семья разбилась на два лагеря, мама, задолго до моего появления на свет решившая, что я должна посвятить себя медицине, в сторону которой у меня ни только мыслей не возникало, но от одного упоминания вызывало оскомину, ну и я, человек, не уделяющий должного внимания учебе (по мнению классного ру-

¹ Город Усть-Каменогорск, Республика Казахстан

ководителя) и с головой поглощенный музыкой. Как ни старалась мама привить мне любовь к медицине, попытки ее были тщетны. Часто родители хотят направить детей на тот путь, который сами хотели бы пройти, воплотить в чаде свои детские нереализованные мечты.

В начале апреля, как полагается, всех выпускников начали таскать по выставкам профориентации. В наш лицей кто только не приходил да не приезжал. Освобожденных, обычно с последних уроков, нас под конвоем пары тройки учителей вели в актовый зал к гостям. Мне такие встречи казались бесполезной тратой времени, и мы с одной доброй душой разделяющей мои мнения активно их игнорировали. Но однажды мне все-таки пришлось посетить встречу с представителями одного ВУЗа. Уж не знаю, волей случая это произошло или то было predetermined свыше. В четверг после обеда был назначен генпрогон в группе, где я играла на гитаре, а нам как назло в расписание воткнули два урока алгебры, с которой не лишним будет отметить, я не дружила. Что делать? Без всякого сомнения, мной было принято решение на урок не идти. И вот иду я по коридору, в голове моей репетиция идет полным ходом вдруг, откуда не возьмись навстречу мне идет математичка. Ну что за невезение такое! Я резко переместила себя за угол, и, услышав ее приближающиеся шаги, наудачу открыла первую попавшуюся дверь, которая оказалась дверью актового зала, в котором шла презентация одного из университетов. Все же заманили птичку в клетку!

Сделав непринужденный вид, я прошла в зал и заняла свободное место, заткнув наушниками уши. А свободных мест на удивление было много, уж не знаю по какой причине презентация этого университета обошла мимо наш класс. Все действие длилось чуть меньше часа под пристальным бдением директора нашего лица, поэтому покинуть это интереснейшее представление не представлялось возможным. Дождавшись конца и получив брошюру с контактами университета, я пулей вылетела из зала. На репетицию в тот день я, конечно же, опоздала.

Не так давно наша семья обрела нового родственника в лице моей двоюродной тетушки по папиной линии. Во времена Отечественной их родители потеряли связь, отца тети Эммы отправили в концентрационный лагерь по 58 статье по национальному признаку как врага народа, а мою бабушку выслали с семьей из Поволжья в Казахстан по тем же политическим мотивам. Спустя больше полувека родственная связь восстановилась, но брат с сестрой так и не встретились, отец ушел из жизни незадолго до этого. Все были потрясены нашим с ней невообразимым сходством. Вот так живешь себе на белом свете, и не подозреваешь, что есть такой же на тебя похожий человек, конечно, есть типажи и прочее, но это совсем другое. Характер, повадки, движения, удивительная штука ген!

Собравшись на очередном семейном мероприятии в честь приезда из города Омска нашей тети Эммы, на повестку дня

был поднят насущный вопрос о моей дальнейшей судьбе, в результате чего праздник плавно перешел в семейный совет. Все присутствовавшие на собрании выступали приверженцами классического советского образования, из раза в раз одно да потому. Материального вопроса никто не касался, любой медицинский ВУЗ на мой вкус.

Краткое содержание разговора:

– Медицинский! – воскликнула мама, что тут обсуждать? Ты должна стать врачом. У тебя есть все задатки для этого, а еще это очень престижно. И потом, одной музыкой сыт не будешь.

– Да уж, престижно. Был престиж да вышел весь! – заключила тетя Таня, мамина подруга, считавшаяся практически членом семьи, чистившая и жевавшая зерна граната. – Копейки им платят сейчас.

– Вон половина класса давно ходят на подготовительные курсы для поступления в российский университет, занимаются, – сказала мама. (Как потом выяснится, очередное разводилово).

– Надо людям помогать, считай, свой врач в доме будет! К тому же у вас вроде родственник, как его, Павел Дмитриевич кажется, в прошлом году мне все зубы починил, – сказал муж тети Тани.

– Зубы тебе двоюродный брат Николай чинил, а Павел онколог, он у нас светило медицины.

Между прочим, единственным человеком, отговаривав-

шим меня от маминой паранойяльной идеи сделать из меня врача, оказался этот самый светило, мамин родной брат. Он прекрасно понимал мамин загон по медицине. Мама была единственным выпавшим звеном из династии врачей среди двоюродных братьев и сестер. Непрекращающееся «нездоровое» соперничество. В спорах с мамой он всегда говорил: «Не дай Бог моей дочери видеть то, что изо дня в день приходится видеть мне», на что мама всегда парировала: «Легко рассуждать человеку, у которого нет детей». Я в свою очередь прекрасно понимала дядю и видела тыльную сторону этого ремесла, по возможности стараясь избегать семейных раутов с участием «особой касты».

– А может инженерный? – предложила мамина подруга.

– Вы еще металлургический вспомните, – возражая, подключился к беседе мой старший брат, живущий в столице, в свое время, по наступлению совершеннолетия сбежавший от мамы. Саша будет учиться в столичном университете, я все устрою как надо.

После бурной, и утомительной дискуссии мне предоставили слово.

– Саша, ты сама-то чего хочешь? До конца учебного года остались считанные дни, пора определиться девочка, – сказала тетя Эмма.

– Все, чего я хочу, чтобы мне дали право выбирать самой. Я сама должна решить, как и кем, мне дальше быть, – устав все время повторять одно и то же, мягко сказала я

– Сама, нет, вы посмотрите-ка на нее, она сама, – возмутилась мама, всплеснув руками и громко ударив себя по бедрам. Это эта финтифлюшка Анька тебя с толку сбивает, у нее одни гулянки на уме. Ты не сможешь ничего решить сама!

Разумеется, о моем безобидном увлечении музыкой, никто ничего и слушать не хотел. Даже и заикаться было нечего. Какая это профессия? Детский вздор, пройдет. Право выбора грубо обошло меня стороной. Спор начал принимать большие размеры, чем заслуживал такой незначительный повод и дабы прекратить его, гордо встав из-за стола, я отправилась в свою комнату. Куда же я ее подевала? Перерыв все бумаги я наконец-то нашла ее. Вернувшись к гостям с поднятой в руке брошюрой, я решительно заявила: Вот!

– Ну и что это такое?

– А это университет, в котором я буду учиться, – сказала я.

– Дай-ка сюда глянуть. М-И-ФЭ-И-УП.– выговорила мама с трудом. Что это за набор букв?

Честно сказать, я сама была удивлена, после презентации я торопилась на репетицию, а на буклетик то на этот я даже не взглянула. Ну да ничего, все что угодно, только не медицинский. Пролистав буклет, мама с негодованием:

– Омск? Стоп, да ведь это даже не государственный университет, не пойму, Эмма, взгляни, – разгневанно сказала мама, передав буклет тете.

– Омский филиал московского негосударственного уни-

верситета, – надев очки, прочитала тетя Эмма.

Обойдя всех, очередь посмотреть буклет дошла и до меня.

– И какой же факультет ты выбрала? – спросила мама, с широко открытыми глазами.

В этом университете было пять факультетов, четыре из которых не имели ни малейшего шанса, что я обращу на них свое внимание. Бегло пробежав взглядом буклет, я решила:

– Управления, я буду учиться на факультете управления.

– То, что нужно, – поддержал меня брат.

– Замечательно, участливо произнесла тетя Эмма, очень хорошо, будешь учиться под моим присмотром. Едем в Омск!

Предложение тети Эммы всем пришлось по душе. Она будто взмахнула волшебной палочкой так, что даже мама забыла о своей затее. Тяжелый груз, висевший надо мной долгое время, решился за три минуты. И отправилась я в Сибирь по приговору собственноручно подписанному.

Глава 2

В нашей школе, как, в общем, и по области, абитуриентов грезящих учебой в российских ВУЗах нельзя было сосчитать по пальцам, их было несметное количество. Не одно поколение выпускников нашего города отправлялось покорять в основном близлежащие сибирские города, такие как Барнаул, Красноярск, Новосибирск и Томск. Мне иногда казалось, что город Томск это филиал нашего городка. Омск почему-то в этот список попадал, но редко.

В атмосфере нашего класса царило ожидание чуда. Со всем скоро прозвенит долгожданный последний звонок, все экзамены будут на отлично сданы, начнется новая и что немаловажно самостоятельная жизнь в большом городе. Я же по этому поводу каких-то особых надежд не питала.

К нашему классу не подошло бы прилагательное «дружный». Одноклассник однокласснику – волк. В ожидании экзаменов это кредо набирало все большую силу. Меня абсолютно не волновала жизнь класса, у меня была своя компания – моя (как это было круто говорить в 2010 году) рок группа, участники которой, к слову сказать, досадовали по поводу моего ухода из группы, да и переезда в целом. Мы занимались в одной музыкальной студии, и я была самой мелкой в группе среди людей от 17 до 23 лет. В коллективе сложилось полнейшее взаимопонимание, бывало, что забывали

о моем статусе школьницы. Ребята говорили, что я чуткая и отзывчивая, вот и мама твердит, что это необходимые качества для истинного врача. Но моими лучшими друзьями были, конечно же, книги. Маму частенько вызывали в школу на счет многочисленных прогулов с призывом обратить мое внимание в сторону занятий. А что касается меня, то мне было попросту неинтересно проводить свое время с не совсем адекватными людьми, называвшими себя учителями, не могущими не то что дать какие-то знания, но зачастую и не владеющими собой. Книги – вот что мне было важно.

Из нашего класса сдававших тестирование по типу российского единого государственного экзамена было три человека – то есть простолюдины, остальные – элита, будущие студенты лучших российских ВУЗов, и так уж случилось и я в их числе, сдавали устные экзамены. Я, в общем-то, сильно не распространялась о выборе университета своим одноклассникам, до тех пор, пока на уроке пресловутой математики меня не спросила об этом учительница, за очередной мой косяк по предмету.

– Александра, как ты тестирование будешь проходить, я не представляю, – сказала математичка с ноткой безнадежности в голосе.

– А не будет никакого тестирования, Зинаида Николаевна, – сообщила я.

– Что значит, не будет?

– А то и значит, я экзамены сдавать буду. В Россию еду.

По классу прошелся гул.

– Экзамены? Ты? Да тебе мой предмет в жизни не сдать! – с ухмылкой воскликнула математичка.

– Ха-а, смотрите-ка, немка в Россию едет, – изрек будущий россиянин, спровоцировав этим убогим стереотипом смех в классе, – не страшно?

Да, мне не хило доставалось из-за моей немецкой фамилии, причем не только от одноклассников. С первого дня школы меня заклеямили фашисткой. Переведясь в казахскую школу, я стала русской. Сменив ту школу на лицей, я вновь превратилась в фашистку. Штампы всюду окружали меня. Из этого же лицея в девяностые годы выпускался и мой старший брат, хлебнув свою порцию «прелестей» от ношения немецкой фамилии. В начале девяностых в период бума эмиграции казахстанских немцев на историческую родину, возле нашей квартиры выстраивался караван из пятнадцатилетних невест, прознавших про «наши сборы», мечтающих прикоснуться к красивой жизни за границей. Одни добровольно, другие за руку с мамой мол: «у нас товар, у вас купец»; невест, даже не подозревавших, что немцев переселенцев ожидает там незавидная судьба. Будь ты хоть дважды немец, всё одно – там ты будешь русский. Но это уже другая история.

Вот он момент, звенит последний звонок, понеслась череда экзаменов, череда волнений, переживаний и сильнодействующих успокоительных. Следующим этапом по традиции

шел выпускной бал, бал конечно громко сказано потому как на торжественное вручение аттестата зрелости пришло четыре с половиной человека. Оказалось, аттестаты были втихаря получены каждым по отдельности, торопясь поскорей проститься с этим опостылевшим местом. Как-то это не по-человечески вышло. Все, со школой было покончено.

Глава 3

Безоблачное июньское небо будто напоминает о чистоте и ясности этого мира. До отъезда оставалось всего ничего, и мои хорошие друзья-музыканты решили устроить что-то типа проводов на их излюбленном месте у реки. Нежный летний вечер. Иртыш. Впереди, насколько только хватал глаз, простиралась вода. Всматриваясь в спокойное, упоительное течение реки, невольно забываешь обо всем. Добравшись до места, мы устроились на берегу у тенистого наряда ивы. После неоднократных приглашений я впервые здесь. Парни, Никита, Малик и Дима отправились добывать сухие ветки для будущего костра, а нас, девчонок, оставили хозяйничать.

– Сашка, ты только погляди красотища-то какая, – вдохнув полной грудью речного воздуха, сказала Анька.

– Да, живописно, – подтвердила я оглядываясь.

– Теперь ты видишь, от чего отказывалась?

– Прекрасно знаешь же, не по своей воле.

– Мама у тебя конечно хорошая, но с нами-то можно было отпустить! – припоминая предыдущие мои отсутствия, сказала Анька. (Знала бы она, чего мне это стоило отпроситься сегодня.)

– По всем вопросам обращаться к маме, – зная, как мама недолюбливала Аньку, ответила я, желая поскорее уйти от этой темы.

– Сашка, а ты знала, что у тебя волосы на солнце золотом отливают? – переведя разговор, с ноткой зависти в голосе спросила она, трогая меня за косу.

– Знала, – мне было не понятно, чему она так удивилась.

– Да? Я раньше не замечала, – пробормотала Анька.

О, а вон и парни наши идут! – воскликнула Аня после недолгой паузы.

– Слушай, а вы не слишком много выпивки взяли? Кто-то обещал, что мероприятие будет безалкогольное. Обманули, получается? – спросила я.

– Да, это сознательный обман. Скажи я тебе заранее, тебя бы тогда с нами точно не отпустили. Да и потом, я тебя умоляю, это разве много? – хохоча, ответила Аня. Не будь занудой.

Анька заканчивала ин.яз, в будущем училка английского языка. Занятие вокалом в студии было ее увлечением. Оторва я вам скажу та еще, но так девчонка очень даже не плохая.

– А все же, почему именно Омск? Мы думали, ты к брату поедешь, в столицу, – спросила меня Аня, он же у тебя важняк, по любому пристроил бы.

– Действительно, – подметил только что возвратившийся Малик, взяв с импровизированного стола только что приготовленную Анькой закуску в виде мясной нарезки, шла бы к нам на ин.яз, веселенькое я тебе скажу местечко.

– Поздно отступать, позади медицинский, – отшутив-

шись, ответила я.

К Аньке со спины подкрался Дима, схватив со стола красное яблоко.

– Ник, а слабо сыграть в Вильгельма Телля? ²– подбрасывая яблоко в воздух, сказал Дима.

Ник без всякого стеснения показал Диме неприличный жест.

Естественно наши посиделки у костра не обошлись без музыкального сопровождения. Нет, это не было сборищем пьяных в хлам рокеров в косухах, цепях и с банданами на головах о чем может поведать амплуа рок групп тех лет. Это были простые люди с открытыми лицами и что важно душами, пока Малик, самый старший в нашей компании не взял в руки гитару принесенную Димой, которую весь вечер потом из рук не выпускал. Странно, но ни одной песни из репертуара нашего коллектива не прозвучало. Малик взял аккорды и захрипел:

*«Не крутите глобус, атлас не листайте не спеша,
там хлеба не сеют, там кругом тайга в ней черемша,
не крутите, глобус и не тычьте пальцем наугад,
зон расположенье не узнать вам из обычных карт»³*

– Фу, дурак какой! – сказала Аня.

Мы переглянулись между собой, все поняли, что эта песня адресована нашей Ане, мама которой была начальницей

² Вильгельм Телль – игра

³ Песня из репертуара музыкальной группы «Бутырка»

городской колонии. Таким вот чудаковатым образом Малик выражал ей свою симпатию, весь вечер, не сводя с нее глаз. Он продолжал отжигать на гитаре, кстати, у него тоже был знаменательный повод, вчера он стал дипломированным переводчиком английского языка.

Неожиданно быстро стемнело, что вовсе не характерно для этого времени года. Ребята пели песни, веселились. Сидя на бревне, рядом со старой проржавевшей лодкой, укутавшись в теплый плед, потягивая из стаканчика чай, налитый из термоса, я отрешенно смотрела на них сквозь ярко-красный цвет огня, испытывая тотальное одиночество. Какие же мы все разные люди, объединенные любовью к музыке, живущие сегодня, в этом городе и глядя на нас в данный момент времени откуда-нибудь со стороны можно с уверенностью сказать, что у каждого из нас все впереди.

– Друзья мои, я поднимаю этот пластиковый бокал за нашу дружбу, – заливаясь слезами начал Дима. Я всех вас так люблю, так люблю.

– Та-ак, Димасе больше не наливать! – заявила Аня.

Из всей компании трезвыми оставались только мы с Ником.

– Ребята, а пошли купаться! – внезапно осенило Диму, и, сложив губы трубочкой, он потянулся к Аньке.

– Ник, сделай с ним что-нибудь, – оттолкнув Диму, попросила Аня.

Улыбаясь на происходящую картину, устав сидеть на ме-

сте я оставила ребят и направилась к реке, мне захотелось пройтись вдоль берега. Луна бросала свой мягкий свет на воду. Полный штиль. Закрыв глаза, я мысленно задала вопрос: что ждет меня? Погрузившись в думы, я и не заметила, как подошел Никита, коснувшись моей руки.

– Первый раз вижу Диму таким, – не зная с чего начать, заговорил Никита.

– Бывает.

– В любом случае не обижайся на нас.

– Что ты, все в порядке, спасибо за вечер, – улыбнувшись, сказала я.

– Волнуешься?

– По поводу?

– По поводу экзаменов вступительных, переезда предстоящего, все-таки другая страна.

– Да не особо. Наверняка такой же обычный город, как и наш.

– Ну, ты это, не пропадай, приезжай, – несмело сказал Никита.

– Ник, я ведь не в Америку уезжаю, всего-то тысяча километров, – смеясь, ответила я. Что ты там прячешь? – спросила я, обратив внимание на руку Никиты.

– Вот, это тебе, – вытащив руку из-за спины, Никита протянул мне книгу.

– Ух, ты. Обалдеть, – восторженно сказала я. Это была книга, но книга непростая. Классики русской литературы.

Федор Михайлович Достоевский – Преступление и наказание. Государственное Издательство, внимание – Петроград 1923 год. Где ты ее откапал?

– Да у нас на кафедре ими шкафы подпирают. А эту взял в библиотеке, выбросить хотели. Думал, что бы подарить тебе на память, вспомнил про твое увлечение букинистикой, мне кажется это символично Достоевский, Омск...

– Спасибо тебе, удивил.

Никита был студентом второго курса прикладной информатики, программист в будущем. Застенчивый, немного неуверенный в себе парень, но очень талантливый музыкант.

Двадцать первый век, люди книги выбрасывают. Грустно становится. В советское время наличие в квартире полок с книгами считалось чем-то вроде достопримечательности. Мама рассказывала, как приходилось выстаивать немалые очереди за книгами, в результате чего удалось собрать достойную библиотеку, за что ей низкий поклон. Люди, которые в разные времена были вхожи в наш дом, сходились во мнении что «ребенок растет в библиотеке». Да, они были правы. Такой вид «жадности» до книг мне не доводилось встречать ни у кого из знакомых. И читать-то я рано научилась, выработав свою систему чтения. Приблизительно к 14-ти годам за норму бралось сто страниц в день. Это вошло в ежедневную привычку. В год мною прочитывалось около восьмидесяти, восьмидесяти двух книг. Кстати, школьную программу по литературе я не воспринимала всерьез.

Как тогда, так и сейчас считаю, что давно пора бы частично пересмотреть список литературы для школьной программы. Сделавшись настолько книгозависимой, день утрачивал свою насыщенность, не будь в нем ста страниц.

С любопытством рассматривая книгу, изумляясь, как хорошо она сохранилась, я и не заметила, как Никита положил свою руку ко мне на плечо, стараясь таким образом повернуть меня к себе. Ну, просто вечер неожиданных открытий. После двухлетнего музыкального сотрудничества настала пора открыть карты. Оказывается все это время, как бы выразиться, в общем, Никита был равнодушен ко мне. Предприняв отчаянную попытку поцеловать меня, и почувствовав мое легкое смятение, он и вовсе разволновался и прошептал:

– Извини.

– Все хорошо, еще раз спасибо за книгу.

– Пошли к ребятам, не стоит надолго оставлять Аньку с этими двумя, – сияясь улыбнуться, предложил Никита,

– Да, пойдём. Я сейчас.

– Догоняй.

Он развернулся и ушел. Я тяжело выдохнула, будто вместе с воздухом из легких вышла вся эта неловкая ситуация. Откровение Ника застало меня врасплох. Признаться, об этом я не думала серьезно никогда. Ну, играем вместе, и все, а тут такое, как гром среди ясного неба.

Продолжив прогулку вдоль берега, стараясь отделаться от

этой мысли, я вплотную подошла к реке и ненамеренно бросила взгляд на тихую воду, моментально сделавшуюся буйной, что привлекло меня еще больше. Неистовый порыв ветра, вырвал из рук моих книгу, отбросив ее на мокрый песок, перелистывая страницы, словно читая ее. Меня что-то вело к воде, приближение было неосознанным, река звала меня. Мгновение спустя, уже стоя по щиколотку в холодной воде, на взбесившейся ее поверхности я вдруг увидела очертания лица, печального лица, смотрящего на меня точно из глубины Иртыша. Пальцами надавив на глаза убедиться что это не мираж, было понятно что это никакой не мираж и даже не галлюцинация. Наклонившись вперед стремясь поближе разглядеть лицо, стало ясно, что в отражении была не я. Неужто бы я себя не узнала!

А тем временем на заднем фоне происходило следующее: кричащая Анька, пытающаяся меня остановить и парни, бросившиеся вдогонку на спасение, только вот на все предостережения я загадочным образом не обращала внимания, попросту не слыша их. Мое смотрение в одну точку продолжалось примерно полминуты. Подбежавший Малик, жестко подхватив меня на руки, махом вытащил из воды, тем самым не позволив мне упасть в реку.

– Рехнулась что ли? – тряся меня, вытирашив глаза, кричал Малик.

– Ты за каким в воду полезла? – заорала подоспевшая Анька.

Здорово же они перепугались, а я, сидя на песке в мокрых кроссовках и уже по колено промокших джинсах сохраняла удивительное спокойствие, наверно потому что до сих пор находилась под впечатлением от увиденного.

– Не может этого быть, не может к человеку, будучи трезвым, прийти белочка, – затаив дыхание, быстро подумала я. Нет, это скорее всего от перевозбуждения.

Сказать, что я испытала страх и ужас? Нет. Мне было дико интересно. Никто ничего не мог понять.

После случившегося целесообразно было округлить наши посиделки, что мы собственно и сделали. Сумбурно сгребли наши пожитки и отправились по домам. Придя домой за двадцать минут до полуночи, скинув с себя мокрую одежду и почувствовав слабость, я провалилась в сон. Пожалуй, достаточно.

Глава 4

Подавать документы в университет, да и в целом город посмотреть мы выдвинулись всей семьей на нашей хонде. Подумали, что добраться на машине до места получится чем-то вроде небольшого путешествия. Да и потом, при столь знаменательном событии подачи документов, сдачи экзаменов и если повезет (в чем сомнений ни у кого не было) самого поступления должна присутствовать группа поддержки в виде родных и близких. Поэтому при зачислении меня на факультет управления присутствовали все: мама с братом и тетя Эмма. Но об этом чуть позже.

В союзе популярностью пользовался водный маршрут по Иртышу от нашего региона до города Омска. По реке ходила довольно комфортабельная ракета. Устроившись, к примеру, у окна, люди имели возможность созерцать всю красоту и могущество реки. А я сижу в комфортном авто и люблюсь таинственным простором не менее могущественной степи казахской.

Поездка на автомобиле на дальние расстояния – что может быть увлекательней и романтичней? Природа нашего края богата горами, лесами, целебными озерами, не говоря уже о полезных ископаемых. Проводя в дороге тысячи километров, узнаешь много нового о своих родных. Задушевные беседы, разговоры о прошлом, разговоры о будущем, сдоб-

ренные добротной музыкой и чарующим пейзажем из лобового стекла, время разнообразных историй и светлых воспоминаний переносят тебя в другой мир, в мир спокойствия и единения с семьей. У мамы за свою жизнь накопилось тысяча и одна таких историй. Сколько очищающих мыслей, впечатлений за один короткий день, проведенный в дороге способна испытать душа. От такой дороги невозможно устать.

Преодолев путь в триста с лишним километров от дома, на горизонте замаячил сосновый лес. Верхушки сосен, царапая небо, будто бы бегут тебе на встречу. Самое время открыть окно и впустить вовнутрь салона волшебный хвойный аромат. Проезжая мимо стоянки утыканной табличками «сохраним родную природу» мы сделали привал. Вопрос, какого размера должны быть буквы, чтобы до людей доходил послы – «Не губи»? Все бесполезно. А ведь какие правильные слова:

*«Прекрасна и доверчива природа
пока она жива, наш долг век
она нас породила и созрела
будь милостив к природе, человек!»*

И такая картина как разбросанные пакеты с мусором, использованная одноразовая посуда не омрачат моего прилива хорошего настроения после общения с природой. Хотя обидно конечно.

Сделав вывод, что леса, безусловно, украшают нашу зем-

лю, мы двинулись дальше. Прищурившись, я глядела в зеркало заднего вида, а сосны сливались в один большой клин, становясь все меньше и меньше, а вскоре окончательно исчезли. Смена декораций.

Проехав добрую половину пути, мы остановились на очередной привал, и перед нами раскинулась степь. У всего есть своя энергетика, у морей, у гор, у лесов, степи – это нечто иное. Ты стоишь с ней лицом к лицу такой весь маленький, ничтожный и беззащитный, а перед тобой и за тобой и над тобой, повсюду – необъятная бесприютная ширь. Только стоя в одиночестве посреди открытого пространства, сумеешь понять всю мощь степи и ощутить собственную свою беспомощность. Куда денешься, когда дождь ливанет? Вот.

Пейзаж сменялся один за другим и, в конце концов, меня сморило. Сквозь сон донеслось: «Поднимай кресло, через два километра граница».

Багровый тон заката внезапно сменился серым. Отыскав с помощью навигатора дом тети Эммы, который если верить карте находился в самом центре Омска, я не поверила своим глазам. Стандартная панельная облезлая пятиэтажка, соседствующая со следственным изолятором номер один. Вот тебе и «Не крутите глобус».

Всю ночь напролет вплоть до утра шел непрекращающийся дождь. Разверзлись хляби небесные во все наше пребыва-

ние здесь. Время приема документов подходило к концу и уже на следующее утро после приезда, мы, не затягивая двинули в университет. Оказалось, что расстояние от дома до университета больше, чем это выглядело на карте. Тетя уговорила маму остаться дожидаться результатов дома, а нам с братом в целях нашей же безопасности вызвала такси. В тот короткий промежуток между пересечением нашего авто через границу до пункта назначения, то есть дома тети Эммы, нас остановили три раза. Нет, мы не нарушали правил дорожного движения. Номера приметные.

Такси приехало быстро. На дорогах стояли глубокие пенные лужи. «Не то чтобы дождь был сильным, просто дороги такие», – объяснял нам таксист.

Мне не терпелось посмотреть на город, вчера этого сделать не удалось, город погружался в сумерки. И утром картина сильно не изменилась. Серые здания, серые грязные машины, одним словом все серое. Ничего себе контраст. Таково было мое первое впечатление о городе. Как там говорят, первое впечатление самое верное? Но главное разочарование ждало меня впереди. Нас с братом высадили у ночного клуба. Приехали, – сказал водитель, там сами дойдете. Мы не стали спорить. Да, университет находился прямо за ночным клубом. Заброшенная территория бывшего завода. Высокие трубы, опоясывающие здание, куча мелких объектов, и посередине современно слеplенное трехэтажное здание. Пейзаж, не радующий глаз.

Сдав документы, мне предложили тут же пройти вступительные экзамены, на что я согласилась. Экзамен писала с заочниками, так как набор студентов на очное отделение был практически завершен. Пока мы ожидали результата на крыльце, брат признался мне, что не будет огорчен, если я провалила экзамен. А я просто стояла, смотрела на кирпичные развалюхи и молилась: «хоть бы не поступить, хоть бы не поступить». Видимо молитва моя не была услышана. Меня зачислили.

– Смотри сама, еще не поздно все отменить, – окинув взглядом территорию, произнес брат.

– Привыкну как-нибудь, – буркнула я.

Дела сделаны, впереди был свободный день.

Пойдем пешком, – глубоко вздохнув, предложил брат, раз уж остаешься, пешая прогулка поможет лучше изучить город.

– Ну что ж, пошли, – равнодушно ответила я, закинув рюкзак на плечо.

Можно было невооруженным глазом видеть, как брат переживал за меня. На правах старшего в семье, он мог без лишних разговоров поступить с моей судьбой, так как ему бы заблагорассудилось, однако не сделал этого, предоставив мне право самой набить себе шишки.

Мне отчетливо запомнился тот пасмурный день, первый день моего пребывания в этом городе. Безусловно, и в моем городе идет дождь, но тогда все оживает новыми яркими

цветами. Здесь же иначе. Этому городу определенно не к лицу дожди.

Мы не торопясь пошли по проспекту Маркса. Я была права, Омск похож на наш город. Думаю, все бывшие советские города чем-то похожи друг на друга. Мы долго шли не сворачивая, по прямой. Я прилично натерла туфлей пятку, ощущая раздирающую боль в ноге.

– Ни одной лавочки! – возмутился брат, ты куда?

– За тем серым зданием должен быть парк, – уверенно сказала я.

На непросохших как следует лавках, вооруженные карандашами и альбомными листами молодые студенты – художники писали фонтан, который располагался в центре сквера.

– Ах ты, бедняжечка, как же так, – сопереживая, говорил брат.

– Брось, ерунда какая, – вяло сказала я, немного передохнем и дальше пойдем. Не тут то было. Я сняла туфлю, брат увидел кровь на моей ноге, паникуя, подскочил с лавочки и побежал ловить машину. Остолбнев, он медленно развернулся и направился ко мне.

– Как ты могла знать про этот парк? – с подозрением спросил брат.

– Не поняла? – переспросила я.

– Откуда ты знала, что здесь парк? – также спокойно переспросил брат.

И правда подумала я.

– Так, просто предположила.

Парк и здание напротив казались невероятно знакомыми, что я почти поверила, что бывала здесь раньше.

Остаток лета я провела у брата в солнечной столице.

Глава 5

Тетя Эмма была интеллигентной одинокой женщиной за пятьдесят. Всю свою жизнь посвятила гражданпроекту, в будущем году готовилась выйти на пенсию. Два месяца ждала она с искренним нетерпением моего приезда, без конца названивая и бархатным голосом говоря, как скучает по своей девочке. Она никогда не называла меня по имени, считая, что имя Саша исключительно грубое мальчишеское имя, и такой миленькой девочке как я, оно категорически не подходит. Прихватив с собой пару стопок книг на первое время, к отъезду все было готово. Попрощавшись с братом на перроне, я села в свое купе. Безвестная сторона не пугала меня.

На подъезде к городу стоя в тамбуре и глядя в окно мной овладело странное ощущение, ощущение, что после долгого отсутствия я наконец-то возвращаюсь домой. Это было ощущение свежего глотка свободы. Больше никто ненароком не скажет при мне ненавистного слова – Мед. Поезд остановился, выйдя из него, моему взору предстал вокзал с его беспрестанным шумом и криками. Закинув на плечо здоровенную сумку, взяв в обе руки связки с книгами, я спустилась по ступенькам вниз во встречающий меня город.

Такси, такси..., девушка, такси, – на всю привокзальную площадь заорал таксист завидя меня. Тяжесть моего багажа не позволяла долго выбирать машину. Уложила сумку и кни-

ги на заднее сиденье, а сама уселась на пассажирское. Водитель суматошно сел за руль, обвел меня лукавым взглядом, а потом спросил:

– Куда поедет красавица?

– СИЗО номер один, – смело сказала я.

Всю дорогу водитель не издал ни звука.

Сентябрь наступил.

Утром первого сентября шел морозящий дождь. Воздух пропах сыростью. До университета добиралась по старой схеме. Опоздав самую малость, зайдя в аудиторию, где проходил сбор нашей группы, обнаружила, что для меня осталось место только за первой партой. После знакомства с группой выяснилось, что шестнадцать из двадцати человек не имеют представления о месте, откуда я прибыла. Печально. Меня незамедлительно нарекли казашкой. Причем по инициативе куратора. Вот это поворот.

Через некоторое время в соцсетях ко мне начали приходиться запросы в друзья от моих бывших одноклассников, тех самых, что так рвались туда, где и я сейчас. Вывешенные российские флаги в статусах «новых россиян» стали сменяться флагом родины. Подозрительно скоро их посетила ностальгия. Суровая российская действительность быстро остудила их пыл. Мне было потешно наблюдать за ними.

Я вынуждала себя привыкать к учебному процессу. Я наблюдала за одноклассниками и видела, что я здесь чужая, тут живут другие люди, которых я пока не понимаю. Хотя

одно сходство с моими одноклассниками все же было – безудержное желание уехать прочь из своего города, но на этот раз все уже стремились в Москву. Не группа, а клуб ежедневных сетований на судьбу злодейку, ошибочно закинувших этих благородных господ на окраины цивилизации, в Богом забытое место. Непостижимое существо человек, чтобы стать счастливым, готов бежать очертя голову на край света; все ему не то, все ему не так, сменить работу, поменять город, променять страну, удрать от обстоятельств, не понимая одной простой истины, что куда бы ты ни бежал, ты везде берешь с собой себя. Да, довольно избитая истина известная каждому, но не каждый желает воспринимать ее лично. Я не имею ничего против стремления, оно в сущности своей правильно. Стремление достигать, стремление преодолеть. Оно не правильно тогда когда причиняет человеку мучения, дразня его призрачными далями, омрачая его существование, заставляя отказываться от настоящего, от СЕЙ-ЧАС. Неужели сложно понять, что счастье в тебе самом? Это я пойму позднее, а пока дни шли за днями, не принося за собой ровным счетом ничего кроме уныния.

Однотруппники легко нашли друг с другом общий язык. Только этот общий язык с группой никак не удавалось найти мне и еще одной студентке. Низкорослая, короткостриженная огненно-рыжеволосая девчонка, она поглядывала на

меня своими серо-зелеными раскосыми глазами, и в каждом таком ее взгляде читалось – заговори со мной, ну, пожалуйста, заговори. В сумасшедшем потоке новой информации, что ежедневно выливалась на нас на лекциях, она тихо сидела за партой на задворках аудитории читая книгу.

Её не тревожила наша суетливость.

Её обособленность цепляла меня.

Её звали Ольга.

Дождавшись перемены, я, набравшись духу, подошла к ней.

– Привет, – сказала я с нелепым выражением лица, – Можно?

– Падай, – ответила она с таким же видом, торопливо собирая со стула свои манатки.

Разглядев ее вблизи, я увидела проколотую бровь, серьгу, по-видимому, она оставляла дома.

– Что читаешь? – поинтересовалась я. Она мгновенно прикрыла книгу, повернув ко мне обложкой, на которой мелкими буквами желтым по черному было написано – «Младшая Эдда».⁴ Так и познакомились.

⁴ Произведение средневекового исландского писателя Снорри Стурлусона, написанное в 1222-1225 гг.

Глава 6

Это была чистая *gaga avis*⁵ в этих краях. Ольга болтала без умолку, знакомя меня со своей средой обитания. Делала она это с таким задором и увлеченностью, будто все это время до нашего с ней знакомства ее насильно заставляли молчать. Её манера одеваться не поддается описанию, что-то среднее от скрещения бохо с психоделикой, в умелом сочетании этих двух стилей. Занятия в нашей группе проходили, словно в кадрах фильма «Плезантвилль».⁶ Её естественность и непринужденность, с которой она вела себя, взывала к самым потаенным уголкам моего «Я». У нее была своя философия. С одной стороны легкость, а с другой невообразимая глубина. Я с любопытством наблюдала за ней, каждое утро, добровольно бежав на учебу.

Она продолжала читать книги на лекциях, и это ее беспечное поведение начинало беспокоить меня.

– Послушай, а ты не хочешь немного поучиться? – не выдержав выпалила я. Спокойно переводя взгляд с текста на меня, прозвучало – Чему? Я растерялась. Она снова уткнулась в книгу.

– Как сессию сдавать будешь? – упорствовала я.

– Чтение – вот лучшее учение. Все что человеку важно

⁵ *Редкая птица (лат.)*

⁶ *X/Ф 1998 года. Здесь: сравнение однокрупикиков с черно-белым фоном.*

и необходимо знать, заключено здесь, – подняв перед собой книгу, как будто не услышав моего вопроса, отвечала она. Стыдно признаться, но я так и не распаковала книги со дня приезда. Как поставила в угол, так они там и стояли, покрываясь тонкими слоями пыли.

– Зачем тогда поступала сюда? – продолжала настаивать я.

– Спроси меня лучше, какой бы профессии я отдала свое предпочтение. И я отвечу тебе, что ни какой. Потому как не смогу сделать ничего, что сможет сделать из меня раба другого человека. Факультет управления, звучит еще, куда ни шло. Ну а если серьезно, то не взяли никуда. Год отучусь, там видно будет, – подмигнула она, улыбаясь.

Я отстала от нее. Задай, кто мне такой вопрос, думаю, в ответ прозвучало бы то же самое.

Я где-то слышала, что книги пишут одни одинокие люди, чтобы другие одинокие люди потом их читали. Таким путем они сообщаются друг с другом. Ощущая на себе всю полноту и точность этой мысли, мне стало ясно, что Ольга испытывает то же самое, по крайней мере, мне хотелось, чтобы это было так. Ольга заполняла собой все мое пространство, точнее ту его часть, где раньше размещались мои лучшие друзья-книжки. Однажды она пришла на лекции без книги, я поняла, что это знак, в ее мире освободилось место для меня.

Она вливала в мои бесцветные отягощенные со всех сторон будни яркие краски, краски небывалой прежде свободы. Чувство свободы прекрасно. Она была свободна от штампов

и условностей, свободна от глупых стереотипов.

В недолгих перерывах между дождями мы гуляли по городу. На омские улочки выходило солнце, озаряя собой все вокруг. Этим солнцем была Ольга.

– Что-то не радуется сентябрь нас погожими деньками, – жаловалась я.

– А по-моему прикольно, – говорила Ольга. Можно представить себе, что Омск-это маленький Питер. Мы с тобой две лужи, в которых отражается небо.

– Ага, или маленький Усть-Каменогорск, – сказала я. (И одно большое солнце, в котором отражается одна лужа, – подумала я.)

– Почему Усть-Каменогорск? – спросила она.

– Много одинаковых строений, – отвечала я. Вот например, видишь, дом со шпилем, ты не поверишь, но в моем городе есть здание точь-в-точь.

– Ну, надо же! – восклицала она, перепрыгивая через лужу.

– Скажи, а ты бы хотела отсюда уехать? – спросила я.

– Зачем?

– Ну не знаю. За счастьем. За чем еще люди куда-то едут.

– Вот и спроси себя, за чем ты уехала из своего города? – сказала она.

– Я не уехала, а сбежала. Назло матери поступила в наш универ, доказала блин, что сама могу принимать решения. Одним словом, это чистая случайность, – рассказывала я.

– Ничего в нашей жизни случайно не делается, что-то привело тебя сюда. Тебе нужно просто этому довериться, – сказала Ольга.

– Как это? – спросила я.

– Слушай свое сердце, и оно подскажет тебе, – одарив меня своей улыбкой, сказала она.

Мы болтали часами, обо всём и ни о чем. Она звонила мне на домашний, мы могли проговорить так до самой ночи, обсуждая с ней все то, что так долго мне не с кем было обсудить. Литература, музыка, кино, искусство. Оставалось только поражаться стопроцентному совпадению в пересечении общих интересов. Ей нравилась поздняя латинская поэзия, и мне нравилась поздняя латинская поэзия; она слушала Джима Моррисона⁷, и я тоже слушала Джима Моррисона; она восхищалась самоиронией Тулуз-Лотрека⁸, а я понятия не имела кто это, но мне нравилось слушать ее. Она взяла с меня обещание показать ей аккорды на гитаре. Мы буквально вращались друг в друга, но иногда из-за ее неуловимых настроений, я не до конца понимала, как она на самом деле воспринимает меня.

– Ребзя! Две последние пары отменили! Маркетинга не будет. Валите по своим делам, – залетев в аудиторию порывистым ветром, просвистела Ольга. Как в документальных фильмах о диких животных, студенты, словно стадо слонов

⁷ Джим Моррисон – американский поэт, певец, лидер группы *The Doors*

⁸ Анри де Тулуз-Лотрек – французский художник

бегущих на водопо́й гремя партами и стульями, понеслись к выходу. В аудитории наступила гробовая тишина.

– А ты чего сидишь? – уставившись на меня, спросила Ольга. Пойдем, я покажу тебе Омскую крепость.

– Супер! Я как знала, взяла камеру с собой, – быстро собиравшись, обрадовалась я.

По дороге к крепости Ольга изображая из себя экскурсовода, на полном серьезе рассказывала о громадном бастионе, казематах, мортирах и чугунных пушках, развесив уши, я внимала каждому слову. Придя на место, Ольга издала оглушительный смех.

– Очень смешно, – с иронией сказала я, поджав губы.

На эспланаде аккуратно уложенной брусчаткой, обтянутые потемкинской деревней стояли три полуразвалившихся сарайчика, что называются омской крепостью, рядом с ними стояли тобольские ворота.

– Развалюхи кирпичные, это у вас фишка такая да? Спросила я. Ольга еще пуще залилась смехом.

– В этот омский острог сто шестьдесят, – замедлила она, закатив глаза вспоминая, сто шестьдесят один год назад заточили Федора Михайловича Достоевского.

Нельзя было предугадать, что она выкинет в следующий момент. В ней кипела живая энергия, казалось вот-вот и она вырвется наружу, так тесно было ей в этой маленькой девочке. Яркая, непосредственная, одноклассницы с плохо скрываемой завистью крутили у виска, тыча в нее пальцем, а с ее

лица не сходила улыбка. Пока я мешкала, расчехляя камеру, она уже мчалась вниз по ступенькам к реке. На берегу разостлался степной ковыль, свысока похожий на морскую пену.

– Эй, чего ты там застыла, – крикнула Ольга, замахав руками.

Осторожно спустившись вниз, не успев навести на нее камеру, чтобы сделать фото, она уже бежала дальше.

– Люблю это место, место слияния двух рек Оми и Иртыша, – пятясь назад, говорила она.

– Оль, а расскажи о себе, о семье своей – попросила я, остановившись и фотографируя ее. Мне было интересно узнать о ней все.

– По сравнению с твоими дворцовыми интригами мне и рассказывать то нечего. Ольга замедлила шаг и начала:

– Разрешите представиться, наследница австрийского престола Ольга третья.

– А если серьезно?

– Мама преподает, – коротко отвечала она.

– А отец?

– Про отца сказать не могу, потому, как не знаю о нем ничего.

Я смекнула, что это большая тема для нее, хотела, было перевести разговор, но она продолжала:

– Сколько мать не пыталась, не колетса. Подозреваю, что до сих пор любит его. Да, такие вещи утаить невозможно, – говорила она, пиная мокрую землю носком своего ботинка.

Ухажеров выше крыши, куры строят, а она ноль внимания на них. Давай лучше я щелкну тебя на память на фоне крепости, – вдруг предложила она.

– О, давай! – сказала я, выбирая позу. Интересно, сколько человек могла вместить в себя эта крепость? – вслух подумала я.

– Сколько человек? Человек и есть крепость. Ты крепость, я крепость, – сказала она.

– Крепостью духа? – продолжала я размышление.

– Нет, ты не поняла. Крепость от слова крепостной, – сказала она, наводя камеру на меня.

– Так человек крепость или все же крепостной? – запутавшись, спросила я.

– Если ты крепостной в своей собственной крепости, у меня для тебя плохие новости, – заключила она.

Баржа неслышно прошла по реке к своей пристани.

Я постепенно погружалась в ее мир. В один из дней идя на учебу привычным маршрутом слушая в наушниках ту музыку, что Ольга записала для меня, я задумалась и не заметила, как передо мной точно из-под земли вырос Влад, подкарауливая меня.

Влад всегда умышленно старался сесть за парту впереди нас. Самопровозглашенный староста группы, с головы до ног вымазанный гелем, в бессменном, идеально выглаженном сером костюмчике, со значком университета прицепленном к борту пиджака. Он всецело домогался симпатии

одногруппников. Его бесило наше с Ольгой безразличие к жизни группы и к его персоне в частности.

– Опаздываем, Александра, – сказал он спесиво, скрестив руки на груди.

Сняв один наушник, не отводя с него взгляда, я вынула правую руку из кармана и, посмотрев на часы сказала:

– Я смотрю, ты тоже не особо спешишь. И продолжила свой путь, обойдя его.

– Могу дать математику списать, – растерянно крикнул он. Знал гад, на что давить.

– Сегодня нет математики, – отрезала я.

Исчерпав все аргументы, он спросил напрямую:

– Я же вижу что ты наш человек, зачем с неудачниками водишься?

Оторопев от его самоуверенности, я остановилась, вытащив второй наушник:

– Чё?

– Ольга. Чего ты с ней возишься?

– Чей я человек, повтори? – закипала я.

– Наш. Такая же, как я.

– Я сама своя. Понял? А если говорить об Ольге, так ты и в подметки ей не годишься, – развернулась я и пошла дальше.

– Александра, но.., стой, – обгоняя, звал он. А может у вас любовь?

– Отстань грязь от подошвы.

Он невесть что говорил об Ольге, смешивая ее с грязью,

подбивая остальных делать тоже самое. Дескать, если молодая девушка носит короткую стрижку, то она непременно является представительницей «планеты лесбиян». Еще один экспонат в копилку зашкварных стереотипов. А она не только не обращала на их слова ни малейшего внимания, у меня даже складывалось впечатление, что она жалела их.

По городу бродила осень. Под ногами шуршали первые опавшие листья. Наконец-то солнце отвоевало у туч свои права. На большой перемене как водится, студенты отправлялись искать себе пропитание. Выбравшись из катакомб прилегающих построек, едва не дойдя до ларька с выпечкой, меня окрикнула Ольга:

– Фу-х, за тобой не угонишься, – говорила она запыхавшись. Слушай, Сань, не хочешь на концерт Сургановой⁹ пойти?

– На чей концерт? – переспросила я?

– Вот только не говори, что ничего о ней не знаешь, – я рассмешила ее своим вопросом.

– А с чего я должна была ее знать? – с удивлением отвечала я. И тут я прослушала лекцию по истории основания и распада рок группы «Ночные Снайперы».¹⁰

– И когда их концерт?

⁹ Сурганова и Оркестр – музыкальный коллектив

¹⁰ Музыкальная рок группа

– Да не их, а ее, – воодушевленно отвечала Ольга, – двадцать девятого в семь.

– Ну, в принципе можно было бы, только как билеты достать, концерт ведь уже через две с половиной недели? – изображая заинтересованность, говорила я, дожевывая булочку.

– Тс-с, само собой, где ты сейчас билеты найдешь? Я их еще летом купила. Должны были с подругой идти, да ее мать не пустила, – сказала Оля, кроша руками булочку, кормя голубей.

Я поддалась ее уговорам, да и расстраивать ее мне тоже не хотелось.

Мы условились встретиться у самого старого храма города, расположенного точно напротив входа в концертный зал, Никольского Казачьего собора, в половине седьмого вечера.

В тот день нежданно-негаданно выпал первый снег, принеся с собой резкое похолодание. Ехав в полупустом автобусе, я изучала хмурые лица пассажиров явно негодующих на погоду. Сойдя на нужной мне остановке, зябко приподняв воротник пальто, я не успела опомниться, как слилась с колонной молодых девушек шедших по направлению к концертному залу. Я была заинтригована. Зрители толпились в ожидании у главного входа. Не найдя среди них Ольгу, я пошла обратно к собору ждать ее, как договорились. Крупные

гроздь рябины повисли под тяжестью обнявшего их снега.

– Саня! – донеслось до меня звонкое эхо. Это была она. Стоя на крыльце концертного зала, она зазывающим жестом махала мне рукой. Я помахала в ответ и подошла к ней.

– Какое пальто у тебя красивое, – глядя меня по плечам, говорила она. А мне наотрез не идет пальто.

Мы расположились в третьем ряду партера. Удачные места. Зрители, добравшиеся на свои места подозрительно зыркали на меня. После череды таких взглядов я не выдержала:

– Оль, что происходит, а?

Забей, это они на косу твою пялятся, – копаясь в своем рюкзаке, сказала она. Конечно, не являясь фанатом, сложно постичь все тонкости. Заиграла громкая музыка, что означало начало концерта. На сцену вышел оркестр и сама Сурганова. Мать моя, – дошло до меня, да они же все короткостриженные. Я начала от смущения вращать в кресло.

Во время концерта, я порой поглядывала на Олю. Ее лицо озаряла улыбка счастья и удовольствия. А с каким трепетом читала она, вторя самой Сургановой стихи любимых поэтов: Ахматовой, Бродского, Цветаевой. Это надо было видеть. Эмоции переполняли ее. Тогда на концерте я впервые познакомилась с поэзией Иосифа Бродского: «Значит нету разлук, существует громадная встреча». Пытаясь не забыть понравившиеся строчки, я проговаривала их несколько раз.

Проводив оркестр бурными овациями, концерт окончил-

– На чем писать? На чем писать спрашиваю? – не смотря на нее, живо спрашивала я.

– А, вот, на билетах, в замешательстве ответила она.

Выхватив билеты у нее из рук, расталкивая толпу, я пробилась до самой двери автобуса. Все томились в ожидании, у артистки не оказалось ручки.

– Здравствуйте, – спокойным тоном сказала я.

– Здравствуйте, – сказала Светлана Сурганова.

– Подпишите, – уверенно попросила я, протягивая билеты и ручку. В толпе воцарилась тишина. Люди недоуменно смотрели на меня. Светлана взяла билеты и ручку, и после непродолжительной паузы растеряно спросила:

– Так, а кому писать? Из самого хвоста донеслось:

– Саше и Оле.

– Ага, Саше и Оле, – улыбнувшись, повторила Светлана.

Следующий!

Получив билеты с автографом, я не торопилась уходить:

– Ручку верните, – с легкой претензией в голосе заявила я, протянув руку.

Толпа вновь умолкла в предвкушении. Светлана посмотрела на меня в упор и произнесла фразу, после которой фанаты взорвались неистовыми аплодисментами.

– Вот Вам рука, – Светлана пожала мою руку, – а вот Вам ручка!

Уважаю людей имеющих чувство юмора.

Пойдем отсюда скорей, – сквозь зубы процедила я, вер-

нувшись к Ольге. Еще долго нам смотрели вслед.

И мы, смеясь, побежали по ночному городу, позабыв про холод и усталость. На улице не было ни души. Лишь изредка мимо пролетали машины, спеша кто куда. Охваченные радостным возбуждением мы совсем забыли про время. Люблю эти моменты, когда на душе становится тепло от того, что кому-то кто рядом с тобой хорошо. Оля остановилась посреди моста, долго смотря на меня, а затем призналась:

– Я обманула тебя. Я хотела только с тобой пойти на концерт и билеты еще в начале сентября купила. А подругу и вовсе выдумала.

– Здорово придумала. Знаешь, а мне понравился концерт.

– Спасибо тебе, – тихо заговорила она.

– Ну что ты, за что, – улыбалась я.

– Ты хорошая. Я бы хотела, чтобы у меня была такая сестра как ты, – она сказала это таким голосом, едва не плача, будто боясь, что меня может оттолкнуть ее признание. Рассмеявшись, я обняла ее. Я тогда впервые увидела ее такой серьезной.

Мы, обнявшись, стояли на мосту, как вдруг она оттолкнула меня и залихватским хохотом прокричала:

– Жи-и-знь, я любл-ю-ю теб-я-я!

Прогулявшись еще немного, я поймала машину, и мы разъехались по домам. Так закончился тот день, наполненный приятными впечатлениями.

Воскресный день мы провели вместе с тетей Эммой. Я бы-

ла довольна откровению Ольги.

В понедельник Ольга не пришла на первую пару. Я не придала этому значения, так как она, бывало, позволяла себе приходить, когда ей было угодно. Куратор, зайдя в шумную аудиторию, первым делом посмотрел на меня, а после произнес то, отчего меня прошиб холодный пот:

– Ольги больше нет с нами.

Все загудели, переговариваясь между собой. Староста, вертясь на месте, как волчок, произнес:

– Меньше народу, больше кислороду.

– Она умерла. У нее то ли онкология была то ли.., я так и не понял, – продолжал говорить куратор.

Девчонки сидели с деланным сочувствием, а парни с тупыми лицами. Неумный Влад продолжал кривляться, ожидая моей реакции. Не придумав ничего лучшего, я сказала: – «Заткнись урод». Но он не расслышал моей вежливой просьбы. Машинально собрав свои вещи в сумку, встав из-за парты, не отдавая себе отчета, я со всей силы рукой приложила его голову к парте, после чего вышла вон из аудитории. Что происходило после моего ухода дальше, о том мне не известно.

Эта новость в тот же миг превратила в развалины мой новый мир созданный Ольгой за два коротких месяца. Куратор догонял меня, когда я уже набирала ее номер:

– Не ходи туда. Им сейчас не до тебя, – сказал он сочувственно. Лучше домой иди, я тебя отпускаю. Ничего не ска-

зав, опустив руки я, волочась, пошла к гардеробу.

Мое затуманенное сознание как заевшую пластинку прокручивало одну единственную мысль: «Пусть это окажется шуткой». Ну да, – успокаивала я себя, Ольга как обычно расстыкает надо мной. И трубку специально не снимает, чтобы я как следует поволновалась. Пусть это окажется шуткой. Не помню, каким образом добралась до дома. Позже тетя Эмма расскажет, как ужаснулась, увидев белую стену на пороге открыв мне дверь. Тетя не находила себе места, глядя на мое раздавленное состояние. Она бы рада была помочь, но не знала чем. Из угла в угол я ходила по комнате, слушая гудки тщетных попыток дозвониться до Ольги. Ни мобильный, ни домашний не отвечал.

– Адрес своей Ольги знаешь? – вздохнув, спросила тетя.

Остановившись посреди комнаты, в ответ я лишь отрицательно покрутила головой. Настойчиво звоня до позднего вечера, не желая смиряться со случившимся, на другом конце провода раздался долгожданный голос: «Второго в двенадцать Тухачевского восемнадцать».

– Ну, что там, – подсев ко мне в кресло спросила тетя. Она не получила ответа.

Глава 7

Последний осенний лист упал на подмерзшую покрытую тонким льдом землю. Так прощалась с нами осень. А я прощалась с единственным другом. В сопровождении тети, я пришла только к выносу. Не стану скрывать, мне было страшно. Обрести близкого человека и тотчас потерять. Человека, которому ты был не безразличен. Мне было больно. Конец света, который сулили нам Майя, случился для меня годом ранее. У подъезда собирались люди, принося с собой цветы и венки. Струсив, я стояла на углу дома, не выпуская из своей руки руку тети Эммы. Это может показаться неправильным и странным, но у меня не было слез. Совсем. Я слышала от дяди немало историй о чудовищно разрушительной стерве из трех букв¹¹, повидала много смертей, но это были всего лишь чужие истории и чужие смерти никаким боком меня не касающиеся. Внезапная смерть Ольги стала настоящей поворотной точкой в моей дальнейшей судьбе. А пока, слыша плач прощавшихся с Ольгой людей я не испытывала ничего кроме страха и боли смотря в след увозящей ее машине. Ольги больше нет.

– Пойдем потихоньку девочка, – сказала тетя, обнимая меня. И мы развернулись в сторону дома.
– Привет Саш, – оглушило меня.

¹¹ Рак

– Ты зачем сюда пришел? – устало сказала я.

– Пришел тебя поддержать. Здравствуйте, я Чингиз, мы с Сашей учимся вместе, – подойдя к нам, сказал он, обращаясь к тете Эмме. Он наблюдал за нами, от подъезда соседнего дома. Давайте я вас подвезу.

– Себя подвези, – ответила я резко.

– Зачем ты так, я же от чистого сердца предложил, – говорил он виновато.

– Ну, просто превращение Савла в Павла¹² какое-то, или забыл уже, какую дичь вы в группе про нас с Ольгой болтали? – сказала я.

– Саш, это все Влад придурочный, мы сами никогда так не думали.

– В самом деле? Охотно верю. Где тогда все остальные? Он опустил голову.

– Саш, ты простишь меня? – кричал он мне в след.

– Сдался ты мне, еще обижаться на тебя, – обернувшись, сказала я. Было видно, как у него будто камень с души свалился.

– Кстати, Влад хочет заяву на тебя накатать, типа за причинение вреда здоровью и все такое, но ты знай, что мы все на твоей стороне. Круто ты его на место поставила, – кричал Чингиз.

– Флаг в руки, – пробубнила я себе под нос, накинув на

¹² *Здесь: человек, резко изменивший свои убеждения из гонителя в проповедника (библ.)*

голову капюшон. Мы молча пошли с тетей Эммой домой.

Бесшумно войдя в свою комнату, я впервые осмысленно посмотрела на вид из окна, сквозь запачканное от прошедших дождей стекло. Зона. Серые бетонные стены, по периметру отороченные колючей проволокой. Серое небо безжалостно обрушалось на город. Кто-нибудь ведет счет по количеству упоминания в тексте слова «серый»? Я потеряла счет дням. Недели шли за неделями. Забив на учебу, целыми днями неподвижно просиживая на подоконнике у окна, я в размагничено-обесточенном состоянии смотрела на зону. Я потеряла себя. Тетя, уходя рано утром на работу и возвращаясь поздним вечером, видела одну и ту же картину. Она ничего не могла поделать со мной. Мой телефон молчал, и я перестала его заряжать. Тетя отмазывала меня перед мамой, как только могла. Я задавала вопросы в пустоту, не укладывающиеся в моей квадратной голове: «Как это могло произойти?», «Как это могло произойти с ней?», «За что это произошло с ней?», «Почему это произошло именно с ней?», «Как такое возможно вообще?», «Почему эта дрянь каждый день забирает молодых людей?», «Почему ее не спасли?», «Почему она не рассказывала мне о своей беде?», «Почему я не догадалась сама?», Почему? Почему? Почему? Слыша в ответ лишь холодное молчание стен.

– Mein Madchen, komm an den Tisch zum Essen. Ich habe hab dein Lieblingsessen vorbereitet Apfelstrudel mit Zimt.¹³, –

¹³ Девочка, пойдем к столу, надо поесть. Я приготовила твой любимый яб-

уговаривала меня тетя.

– Danke Tante, ich war nicht hungrig¹⁴, – не отводя взгляда от окна, слабым голосом отвечала я.

Снег предпринимал робкие попытки основательно лечь на землю. Сосед выгуливал себя и своего бешеного Стаффорда на привычное место на забор тюрьмы, с надписью: «столовая» каждый раз показывая неприличные жесты руками в сторону сизо. По его ритуалу можно было сверять время. В продолжительном смотре на зону до меня все больше доходило понимание сказанных Ольгой тогда на прогулке слов: «Человек крепостной в своей крепости». Похоже, она, наконец, нашла выход из нее. Зеркало платяного шкафа стоящего у стены напротив окна во весь рост отражало его страшный вид. Странно, что месяц, не покидая пределов комнаты, я заметила это только сейчас. Антисвобода. Я слезла с подоконника. Взяв в одну руку ножницы со стола, в другую свою косу, поближе подойдя к зеркалу, я ровными движениями состригала себе волосы под самый корень. После сделанного я по-настоящему заплакала с того дня. Что-то новое, неизвестное в образе ярких вспышек пробуждалось внутри меня. Моя жизнь никогда уже не сможет стать прежней. Я не смогу стать прежней. Мне хотелось знать все до мельчайших подробностей об этой болезни; откуда берется эта болезнь, как от нее избавиться, и кто дал ей такое иди-

лочный штрудель с корицей (нем.)

¹⁴ *Спасибо тетя, я не голодна (нем.)*

отское название – рак?

Возвратившаяся домой с работы тетя застала меня на перепутье.

– Саша! Ты что с собой сотворила? – воскликнула она, впервые назвав меня по имени. Меня мать твоя с потрохами... – сказала она, уронив на пол сумки с продуктами.

– Со мной все в порядке, – безжизненным голосом отвечала я.

– Какой же в порядке? Это ты называешь в порядке? По пути не ешь, худая как плеть стала; на улицу не выходишь, сидишь в своей комнате как заключенная. Подружка умерла, я все понимаю. Но надо же, как то дальше жить, надо взять себя в руки, – выговаривала она накипевшее прямо с порога. Мой поступок стал последней каплей в чаше ее терпения.

– Меня хоть пожалей. Это хорошо еще мать ничего не знает, – продолжала она.

– Я же говорю, со мной все в порядке, – упрямствовала я.

– Ты определись, по кому ты скорбишь. По подруге или по своим разрушенным иллюзиям. А то получается не депрессия, а эгоизм чистой воды, – не в силах остановиться, говорила тетя.

– Я потеряла друга, – говорила я, смотря в пол.

– В институте уже, небось, и забыли, как ты выглядишь. Придешь, и не узнают тебя, – говорила она, снимая с себя пальто.

– Ну и пусть не узнают. Я туда больше не вернусь, – ска-

зала я, поднимая с пола сумки.

– Что значит, не вернешься? – с недоумением спрашивала тетя, вешая свое пальто на плечик. – Объясни, пожалуйста.

Тетя Эмма относилась ко мне как к родной дочери. Я со спокойной душой могла довериться ей, зная, что в ответ не прозвучит укора. Она считала своим долгом привить мне и таким образом сохранить в моем поколении традиции и язык предков, временами разговаривая со мной на родном языке.

– Тетя, скажи, почему это случилось? – спрашивала я, смягчившись, положив свою голову к ней на плечо. Она же такая светлая вся.

– Не знаю девочка, не знаю, – говорила тетя, глядя меня рукой по голове.

– Я думаю забрать свои документы из университета, – сказала я.

– И что потом будешь делать? – спокойно выслушав, говорила тетя.

– Буду готовиться к вступительным экзаменам в медицинский, – отвечала я.

– КУДА? – громко переспросила тетя, отодвинув меня от себя.

– Не смотрите на меня так. Я все хорошо обдумала. Я хочу быть врачом.

– Пойми девочка, подруге твоей уже ничем не поможешь. А тебе нужно подумать о себе, продолжать учиться, полу-

чить диплом, человеком стать.

– Я и продолжу учиться, но только в медицинском. Ольга уже не спасти, это понятно, вы только представьте, зато скольким людям я смогу помочь став врачом, – мечтательно говорила я.

– Да, девочка, круто же тебя эта Ольга изменила. А как теперь быть с твоими принципами? – удивляясь моим переменам, говорила тетя.

– Выходит мама оказалась права, когда говорила, что я не могу ничего решить сама, – сказала я грустно.

– А кто сейчас за тебя решение принимал? А? – подбадривающе сказала тетя? Ты сама приняла это решение, – поцеловав меня в макушку и крепко обняв, сказала тетя. Мы просидели на пуфике в коридоре так около получаса.

Я ощутила невероятное облегчение после нашей с ней беседы. Этот разговор словно стал логическим завершением моей месячной самоизоляции. Все становилось на свои места. Я полностью доверилась этому неизвестному. Ольга как-то сказала, что высшее понимание к человеку способно прийти только через глобальное внутреннее опустошение. Если тебе посчастливилось испытать его на себе, всё, дело сделано, ты на правильном пути. Она сыграла в моем сознании роль стрелочника, переключившего мой состав на нужный путь.

– Ты вот что, девочка, утро вечера мудренее, давай, неси продукты на кухню, ставь чайник, будем ужинать; а завтра

на свежую голову еще хорошенечко все обдумаем, – утирая слезу, сказала она.

– Хорошо тетя, сейчас.

– Чуть не забыла, на стоянке напротив первого подъезда стоит машина, который день уже.

– Какая еще машина? – спросила я, вернувшись с кухни с сумками.

– Молодого человека, который подходил к нам на похоронах.

– Вы уверены?

– Не думаю, чтобы я обозналась. Сходи, проверь.

Чуть меньше месяца, а если быть точной двадцать пять дней, я не выходила из дома. Спускаясь по лестнице с третьего этажа, в мышцах чувствовалась легкая слабость. – Египетская тьма, опять лампочку скрутили, – ворчала я. Наощупь открыв подъездную дверь, мое лицо сходу обдало морозной свежестью. На плохо освещаемой стоянке стояла девятка ядовитого цвета. Да, это была машина Чингиза. Незаметно подобравшись к машине, я постучала в стекло водительской двери. Он поспешно открыл окно.

– Салем, – сказала я громко. Поговорим?

– П-привет, – заикаясь, ответил он.

Я села в машину. Молчали с минуту.

– Как дела? – спросил он.

– Получше, – сказала я, сняв капюшон.

– Отпад, – произнес он, широко раскрыв глаза.

– Как узнал, где я живу? – спросила я.

– Тебе идет так Саша. Помнишь, когда я предлагал подвезти тебя, ты отказалась, я поехал за вами, вот так и узнал.

– Да тебе надо было в сыщики идти, с твоими талантами людей выслеживать, – пошутила я, смутив его.

– Почему в универ не приходишь?

– Пусто там, – сказала я, посмотрев в пол.

– У тебя телефон выключен.

– Да, я в курсе, – сказала я. У меня не получалось переключиться на серьезный лад. В моей памяти оставались живы все те издёвки, что были адресованы бедной Ольге.

– И в сети не появляешься, – продолжал он.

– Короче, говори, зачем у подъезда моего околачиваешься. По просьбе куратора?

– Не, он вообще про тебя не вспоминает, и не заходит к нам почти. Я сам приехал, подумал, что мы, казахи, должны держаться вместе, – обозначив рукой себя и меня, гордо сказал он.

– Слышь, какой ты казах, ты ни слова по-казахски не знаешь, казах тоже мне выискался, – засмеявшись, сказала я. Он поменялся в лице.

– Ну, знаю немного, – стушевался он.

– Сениң машинаңын тусі қандай?¹⁵ – издеваясь над ним, спросила я. Он молчал, потупив голову.

– Вот видишь!

¹⁵ *Какого цвета твоя машина (каз.)*

– Да это капец! – воскликнул он, ударив рукой по рулю. Мало того, что родственники, которые в Казахстане живут, за русского принимают, так теперь еще и ваши казахом не считают!

– Кто это – наши? – удивленно, спросила я.

– Русские.

– Вообще-то я немка.

– Да ладно?

– Прохладно. В понедельник приду, – сказала я, выходя из машины. Зима наступила невероятно снежная.

Часть 2

Я войду в этот мир, я зажгу здесь огонь

Глава 1

Мы подружились с Чингизом. Он помогал мне с учебой, больше конечно с математикой, потому что с другими предметами у меня было все на мази, а я в свою очередь рассказывала ему о жизни в Казахстане, попутно практикуя с ним казахский язык. Он безуспешно пытался выговорить самое длинное казахское слово из тридцати трех букв¹⁶, бесконечно спрашивая меня: «Саша, а теперь я казах?». Нет, отвечала я в шутку, пока не выговоришь – не казах. Он чуть ли не слезно умолял меня не забирать документы и не бросать его одного, на что я отвечала ему: «Двум казахам слишком тесно в одной маленькой группе». Чингиз и вся его многочисленная семья – этнические казахи, по праву считающие своей родиной город Омск. Однако с этим фактом не мог примериться один наш старый знакомый, как-то раз приклеив наклейку на капот машины Чингиза с надписью: «Россия для русских». Немалые усилия были приложены, отдирая ее. Влад обходил меня стороной. Все его запугивания расправиться со мной оказались пустым звуком. Да и группу нашу тоже можно похвалить. Внезапная смерть Ольги заставила большинство одноклассников задуматься над своим поведением.

Я скучала по Ольге. Мне не хватало ее смеха, ее советов

¹⁶ *Канагаттандырылмагандыктарыныздан (каз.)*

на все случаи жизни. Пустоту, которую она оставила своим уходом, невозможно было заполнить ничем.

В конце марта зарядили дожди. Никому не доложив, вооружившись зонтом и решительным настроем, я отправилась на разведку. Кто мог подумать, что ветер перемен забросит меня в этот город. Кто мог сказать год назад, что в один из дней я добровольно переступлю порог медицинского университета? Жизнь полна противоречий. Мысли о призвании спасти жизни неотступно роились в моей голове, пробуждая желание к действию.

Побывав в приемной комиссии, с целью получить информацию о поступлении, мне без долгих объяснений дали понять, что мои шансы на поступление равны нулю. Болтаясь в просторных коридорах здания университета, я обернулась, услышав протяжное эхо с тяжелым скрипом открывшейся двери. Один из членов приемной комиссии выглянула из двери как суслик из норки. Убедившись в том, что я ее заметила, она на цыпочках подбежала ко мне:

– Послушайте, как вас?

– Александра, – ответила я.

– Послушайте Александра, я могу помочь вам с поступлением в колледж при нашем университете, – полушепотом начала она. Сразу же, без вступительных экзаменов, даю сто-процентную гарантию, – разводя руками, сказала она.

– Как это, без экзаменов? – спросила я, заподозрив неладное.

– Ну, есть способ. Понимаете, о чем я говорю?

– Какой еще способ? – догадавшись, что она имела в виду, я нарочно спрашивала ее.

– Что же вы такая непонятливая, – теряя терпение, говорила она.

– Всего доброго, – бросила я, попрощалась и пошла к выходу.

Я не собиралась сдаваться. С расстроенным видом спускаюсь по главной лестнице, обдумывая дальнейшие действия, меня окликнул женский голос: Саша!

– Ну что еще? – повернувшись, сказала я, подумав, что это тетка из приемной комиссии пытается меня догнать.

– Саша, Шнайдер... хорошо, что я тебя встретила. Не ожидала тебя увидеть здесь. Меня зовут Алла Николаевна Портнова¹⁷. Ты меня наверно не знаешь, а вот я тебя узнала сразу. Твое фото стоит на книжной полке в ее комнате.

После этих слов у меня мороз пробежал по коже. Мы еще не успели познакомиться с ней. Это была мама Ольги. Так вот где она преподает... В медицинском университете!

– Почему не заходишь к нам? – спросила она, посмотрев прямо мне в глаза. В этом ее «к нам» прозвучало глубокое одиночество.

– Я не...,

Перебив меня, она продолжала:

– Через месяц Ольге будет годовщина, полгода как... При-

¹⁷ Schneider (нем.) – портной. Зеркальные фамилии.

ходи, посидим, помянем, – не торопись сказала она.

– Хорошо, я при....

– Приходи обязательно, я буду тебя очень ждать, опять не давай мне договорить, сказала она, держа меня за локоть.

Глава 2

В назначенный день я стояла у подъезда Ольгиного дома, не осмеливаясь набрать на домофоне номер ее квартиры. Стоя у двери подъезда, я корила себя за то, что не сделала этого раньше. Мне было жутко неловко и стыдно за свой эгоизм. Я подхватила открывшуюся выходящей из подъезда старушкой дверь. Сегодня ровно полгода как Ольги не стало, но поднимаясь по лестнице, я кожей ощущала ее присутствие. Я зашла на ее территорию. Поднявшись на седьмой этаж, я наткнулась на приоткрытую дверь квартиры, из которой доносился едкий запах горелых блинов. Алла Николаевна ждала моего прихода. Чтобы не показаться невоспитанной, не успев дотянуться рукой до звонка, как из глубины квартиры донеслось гулкое:

– Санечка, заходи.

Как она догадалась, что это я?

– Добрый день, можно? – зайдя в квартиру, спросила я.

– Разувайся и проходи на кухню. Ай, тьфу ты, – видимо обжегшись о горячую сковороду, сказала Алла Николаевна. Скинув кеды и рюкзак, глаза по сторонам, я в прямом смысле слова впала в ступор. Я вошла в свою квартиру, да-да, в свою квартиру в Усть-Каменогорске. Типовой проект планировки Ольгиной квартиры один в один совпадал с планировкой моей квартиры. Ирония Судьбы. Двери во всех трех

комнатах были заперты, кроме одной кухонной, откуда на паркет в коридоре ложилась тонкая полоска дневного света. Я на секунду предположила, что комната Ольги могла располагаться там же, где и моя комната, как тут с кухни позвала Алла Николаевна:

– Где ты там потерялась?

– Здравствуйте, – сказала я, показавшись в проеме кухонной двери.

– Здравствуй Санечка. Могу я так называть тебя? – спросила она под звуки шипения сырого блина, разливающегося по раскаленной сковороде.

– Ну, если хотите. Меня так дядя называет, – сказала я.

Высокая, приятная, на редкость стройная для своего возраста женщина в очках прямоугольной оправы в фартуке с крупными цветками ромашек надетом поверх брючного костюма оттенка спаргауса. Она вернулась домой с занятий немногим раньше меня. Строгая на вид, со мной она держалась мягко, невольно заставляя меня чувствовать смущение. Алла Николаевна неумело обращалась с блинами, она взялась за это дело только потому, что так было положено.

– Давайте я попробую, – предложила я помощь.

– Ты гость, что ты. Хотя, если умеешь, то давай, – сказала она, по-быстрому сняв фартук. Ополоснув руки, я преступила к печению блинов.

– Хм, ловко у тебя получается. Говорят, они там все чувствуют, – подойдя к окну, щемяще сказала она. Особенно,

когда их блинами поминают.

Заметив, как она с тоской смотрит в окно, я спросила:

– Кто-то должен еще подойти?

– Никто не должен. Я пригласила только близких.

Подо мной от стыда загорелся пол. – Все готово, – сказала я.

– Умничка, давай, садись к столу, будем обедать.

Мы сели за стол.

– Царствие небесное Олечке, – на выдохе сказала она.

– Простите меня, – с горечью в голосе сказала я, возюкая ложкой в тарелке с лапшой.

– За что простить, не поняла тебя.

– Простите, что не навестила вас за все это время, – говорила я, пряча глаза. Наверно подумаете, что была такая подруга и забыла. Но, я очень была рада встретить вас в медицинском.

– Да, я тоже. Только на фотографии у тебя коса длинная, а сейчас ее нет. Что произошло?

– Это в память об Ольге, – сказала я, поставив локоть на стол, подперев кулаком щеку.

– А говоришь, забыла, – сказала Алла Николаевна, улыbnувшись так, как умела улыбаться только Ольга.

Меня отпустило. Я осознавала всю неправильность своего поступка. Алла Николаевна нисколько не сердилась на меня за это, а даже подбодрила.

– Простите меня за наглость, – сказала я после недолгой

паузы, я ведь так ничего и не знаю.

– Знаешь что, Санечка, – понимая мою растерянность, сказала она. Пойдем-ка с тобой в ее комнату. Встав из-за стола, я пошла за Аллой Николаевной затаив дыхание. О, Боже, она открыла дверь той комнаты, о которой я думала. Войдя в комнату, меня словно окатили ледяной водой. Окно в комнате Ольги выходило на набережную реки Иртыш, вид из окна был аналогичен виду из окна моей комнаты; набережная, те же деревья, тот же мост слева от дома, соединяющий правый берег реки с левым, даже номер дома и тот совпадает.

– Да ты вся бледная, тебе нехорошо? – сказала Алла Николаевна, спешно усадив меня на софу, побежав на кухню за водой.

На полке книжного шкафа в толстой деревянной коричневой рамке стояла моя фотография, сделанная во время прогулки по крепости. Я сама дала ей это фото. Я всегда печатаю фотографии, считая, что цифровую память нельзя потрогать руками. На столе у светильника лежали те самые добытые в бою билеты с автографом.

– Скорее всего, тебе просто стало душно. Я не впускаю в эту комнату свежего воздуха, чтобы сохранить здесь все так, как было при ней, – сказала она, вернувшись с кухни со стаканом воды, – выпей.

Вот уж, – подумала я, и врачи, оказывается, могут быть сентиментальными.

– Как это несчастье произошло с ней? Почему она не по-

делилась со мной своей проблемой? Ведь мы же подруги, – задавала я вопросы, особо мучавшие меня, поставив стакан на пол.

– Почему тебе не рассказала? – задумчиво сказала Алла Николаевна, сев рядом со мной, – думаю потому, что не хотела потерять единственную подругу.

– То есть потерять? – спрашивала я, запутавшись окончательно. Эта история начинала приобретать для меня мистические очертания. Мы сидели на софе, я крепко зажала коленями кисти рук, наклонив голову внимательно слушая ее, боясь пошевелиться.

– Оля общительная всегда была, отзывчивая, уж, в чем в чем, а в друзьях дефицита у нее не было, – начала Алла Николаевна, – чуть что, все за помощью бегут к ней: Оля помогай, Оля выручай; а она – душа нараспашку, никогда никому не откажет. Всегда веселая, активная, жизнерадостная. И на здоровье не жаловалась никогда. Мы её вдвоем с бабушкой воспитывали; мама моя была властная женщина, врач гематолог, доктор медицинских наук, я сама по стопам матери пошла, вольно думать никто не давал, время другое было, поэтому врача из меня хорошего и не вышло. Я со своей стороны никакого давления на дочь не оказывала, позволяя ей думать своей головой. Я не хотела, чтобы она повторяла мою судьбу. Однако бабушка молча делала свое дело, со временем добившись своего. Буду, говорит мама врачом онкологом и всё тут. Обложила учебниками, литературой

специальной. Я край как не желала этого, но не показывала ей своего неодобрения. Раз решила, будь, твоя жизнь. Бабушка ушла на тот свет со спокойной душой, приемница выросла, нечета мне, непутевой. Спустя год после смерти бабушки в ноябре две тысячи девятого затемпературила наша Олечка ни с того ни с сего. Я на простуду поначалу списывала, симптоматика схожая, время года как раз подходящее, сразу не различишь. Да не тут то было. Помню, среда была, я задержалась на работе, подрабатывала репетиторством, пришла домой, а Оля, не изобразив никаких эмоций, выдала мне: «Мама, у меня лейкоз».¹⁸ Спрашиваю ее: «Кто тебе сказал такую глупость?», а она мне невозмутимо: «Анализ крови показал». Представляешь, она втайне от меня сдала кровь на анализ, чтобы не паниковать раньше времени. Как узнали, тут же сориентировались, начали предпринимать все необходимые действия. Олю положили в больницу. Однажды зайдя к ней в палату, я остолбенела, увидев, как она состригала с головы свои волосы, а она посмотрела на меня и спокойно сказала: «Чего тянуть». Можно было позавидовать её стойкости и терпеливости. «Мама, не волнуйся, мы справимся», – утешала она меня. Понимаешь, я должна была говорить ей эти слова, а не она мне. Во многом она оказалась, куда мудрей и подкованней меня.

Немного помолчав, Алла Николаевна продолжала: Одноклассники благополучно забыли о ней, в заботах о сво-

¹⁸ *Рак крови*

ем ближайшем будущем, заживо похоронив ее. Выпускной класс, экзамены, навестили один единственный раз. Зачем навещать человека, который одной ногой стоит в могиле? Она не реагировала на внешний мир, целиком и полностью сосредоточившись на себе. Лечащий врач говорила, что во многом ее уравновешенность помогла отступить болезни. За полтора года, она стала другим человеком. Не в физическом плане, хотя это тоже конечно, а в духовном. Знаешь, бывает, посмотрит на тебя, и ты понимаешь, что у этой девочки взгляд зрелого, взрослого человека. После трех курсов химиотерапии, давшей неожиданно хорошие результаты, наступила стабильная ремиссия. Никто не мог в это поверить. Больше не было необходимости находиться в больнице и нас отпустили домой, прописав постоянно принимать таблетки. Дома Оля быстро пошла на поправку. Болезнь напрочь отбила у нее всю охоту соприкасаться не только с онкологией, но и вообще с медициной. Она как говорится, решила начать жизнь с чистого листа. Самостоятельно поступила в ваш университет, но адаптация ей давалась нелегко. Хорошо помню тот день, когда она первый раз пришла из университета с хорошим настроением. Я поинтересовалась у нее, и она рассказала, что теперь у нее есть подруга. Приглашай в гости свою новую подругу, говорила я ей, и тут она мне рассказала про девушку Сашу, которая бегством спаслась от своей матери из-за разногласий на почве медицины, и что при любом упоминании об этом, она рискует впасть в коматоз-

ное состояние, – мельком улыбнувшись, сказала Алла Николаевна. Когда Олю бросили ее друзья, в поддержке которых нуждается каждый человек, тем более, когда с ним случается беда, она разочаровалась в людях. А теперь за долгое время у нее появилась подруга. Она не рассказала тебе о себе всю правду, просто боясь, что ты также можешь отвернуться от нее, – закончила Алла Николаевна, положив свою руку ко мне на колено.

– Нет, я ни за что на свете не отвернулась бы от нее, как она могла такое обо мне подумать? – быстро сказала я.

– Она пожалела тебя, чтобы лишний раз не напоминать тебе и самой поскорей забыть.

– Какой кошмар, – сказала я, закрыв руками лицо, и Вы наверно подумали, что поэтому я и не пришла раньше?

– Я так не думала. Я видела, что ты приходила попроситься с Олечкой, – сказала она, похлопав меня по колену.

Встав с места, я подошла к окну. Как же мне хотелось, чтобы это все оказалось ночным кошмаром, как же мне хотелось услышать раздражающий звонок будильника, но нет, это была реальность, реальность, кажущаяся сюрмом.

– Как к здоровому, ни на что не жалующемуся человеку могла пристать эта зараза?

– Появление лейкоза точно нельзя объяснить, – вздыхала она.

– Если болезнь отступила, тогда почему это случилось? Как это тогда объяснить? – с возмущением спросила я.

– Лечащий врач изначально не давала утешительных прогнозов на успех химиотерапии. После заметных улучшений, нашим врачам оставалось только руками разводить и дивиться на произошедшее чудо. Даже я как врач не могу дать объяснения этому.

– Как Ольга умерла? – спрашивала я, продолжая смотреть в окно.

– В ночь с субботы на воскресенье, она разбудила меня в два тридцать с жалобой на режущую боль в голове. Мы вызвали скорую и нас увезли в больницу. Случился ранний рецидив, в таком случае шансы на спасение не велики. Болезнь внесла в ее жизнь определенные ограничения. Она слишком рано почувствовала себя свободной. Понадобилась операция по трансплантации костного мозга, но было уже поздно.

В моей памяти, всплывала отрывками, теперь дополненная картина последнего дня проведенного с ней.

– Спасибо Санечка тебе, – подойдя ко мне, сказала она, – за твое доброе отношение, общение, за те дни, что ты была рядом с Олей, делая ее счастливой. Я недоверчиво взглянула на Аллу Николаевну, а она, указав на мою фотографию на полке сказала, – это лишнее тому подтверждение.

– Ну, не плачь, – сказала она, прижав мою голову к своей груди.

– Это я хочу сказать вам спасибо, – вытирая глаза платком, говорила я. С появлением в моей жизни Ольги, я на многие вещи посмотрела под другим углом. Какой внутрен-

ней силой надо было обладать, чтобы, невзирая на боль любить жизнь, которая не любит тебя. Важно успеть понять смысл жизни не доходя до черты, не найти, а понять. Он не скрыт за сложными формулами, он очевиден как белый день, смысл жизни и есть сама жизнь. Я смотрела в окно, закатное солнце уже садилось на реку.

Мы вернулись на кухню.

– Кстати, а что ты делала в меде? Не ожидала увидеть тебя там, – спросила Алла Николаевна, суетясь, заваривая чай.

– Приходила, чтобы узнать о переводе.

– О переводе? Каким переводе?

– Не поверите, о моем переводе в мед.

Алла Николаевна с громом бросила поднос с чайным прибором на стол. Она не стала спрашивать, с чем связано мое спонтанное решение, по ее довольному лицу можно было понять, что она рада услышанному:

– Когда из меда студенты переводятся в другие ВУЗы, это понятно, есть такая практика, но чтобы наоборот?

– Я мучаюсь, находясь не на своем месте.

– А где оно, твое место?

– Рядом с людьми, нуждающимися в помощи.

– Помогай на здоровье, кто тебе мешает, в мед то зачем идти?

– Вы не поняли, это не сиюминутная прихоть, это не дурь и не блажь. Я каждый день засыпаю и просыпаюсь с тяжелым грузом невыносимости от неправильно принятого год

назад решения, с ощущением, что проживаю не свою жизнь. Я должна стать врачом и точка.

– Вначале все так думают, идя в мед, вот отучусь и буду мир спасать, а потом бегут кто со второго, а кто и с третьего курсов, да так, что пятки сверкают.

– Отговариваете?

– Кто я тебе чтобы отговаривать или уговаривать. Ребенок ты еще, Санечка, – с умилением сказала она, единственное, что я могу посоветовать тебе, постарайся подольше сохранить его в себе. А вообще знаешь, из тебя получился бы хороший доктор.

– Да видно не судьба, – сказала я, свернув платок и убрав его в карман джинсов. Я рассказала о своем неудачном походе в приемную комиссию, чем развеселила ее. Алле Николаевне было известно обо всех подводных камнях и течениях, поэтому она ничуть не удивилась.

– Если уж на то пошло, я помогу тебе, – сказала она с чувством азарта. Я возьму на себя все вопросы с приемной комиссией. Считай что это судьба. Меня вообще не должно было быть в тот день в главном корпусе университета.

Глава 3

Безоблачное июньское небо по-прежнему напоминает о чистоте и ясности мира. Лето возвращает нашей старой земле молодость. С новой попыткой я начинала сначала.

Мама прилетела на крыльях счастья, после моего сообщения о зачислении меня на первый курс факультета лечебного дела. Я по-настоящему осчастливила маму этим событием, исполнив мечту ее жизни. О подробностях я умолчала. Мне не просто было говорить об этом. Да она и не интересовалась, главное, что я образумилась. Алла Николаевна, как и обещала, помогла в урегулировании вопроса с приемной комиссией, ее задача заключалась в устранении помех с их стороны в отношении меня. Со вступительными экзаменами я справилась без труда. Помимо меня в другие университеты из группы перекачивало еще пять человек.

Дожди прекратили свои излияния на город. Может в небе над Омском отключили воду? Как знать. У тети Эммы подошло время выхода на заслуженный отдых. А что непременно должен сделать каждый уважающий себя новоиспеченный пенсионер? Правильно. Купить дачный участок. Как гласит народное предание: «Чтобы наконец-то отдохнуть». Ох уж эти родимые пятна капитализма. Пока я вела войны с бюрократией, тетя тайком присмотрела участок в дачном поселке под названием «Сады». Отложенных за трудовые го-

ды сбережений на мечту едва хватило, но я узнала об этом позднее, попросив брата о помощи в осуществлении тетиной мечты.

Я часто навещала Аллу Николаевну, но не из чувства долга, как многие могли подумать, а потому что я привязалась к ней. И она привязалась ко мне. Мы нуждались друг в друге. Придя в очередной раз проведать ее, я не поверила своим глазам, она нашла в себе силы разобрать комнату Ольги.

– Вот, Санечка, возьми, пусть тебе теперь послужат, – сказала Алла Николаевна, вынося из ольгиной комнаты два нагруженных огромных пакета.

– Что там? – озадаченно спросила я.

– Учебники, справочники различные, еще от мамы остались, Оле они уже не пригодятся, она их сжечь собираясь, да я вовремя припрятала, сказала, что на кафедру снесла.

– Большое спасибо, буду ознакамливаться.

Сложно представить себе масштаб ее потери, может это звучит и банально, но время все лечит.

Тетя Эмма шантажируя тем, что не переживет расставания, просила меня на лето остаться с ней. Я обещалась съездить домой на недельку и как можно скорее вернуться обратно. Больше всего мне не терпелось увидеться с дядей Пашей, рассчитывая получить от него ответы на накопившиеся для него вопросы касательно Ольгиной ситуации, но он как назло уехал на курсы повышения квалификации на целый месяц. Врачи обязаны учиться постоянно! На встрече

с друзьями-музыкантами не нашлось общих тем. Молча посидев в кафе, мы разошлись по своим делам как в море корабли. По знакомым, когда-то до боли родным улочкам прогуливались новые люди, не признавая меня за своего. Мой город отталкивал меня. Мой город изменился, стал другим, а может, изменилась я? Поразительно, что может сотворить с человеком год жизни. Разве унесешь Родину на подошвах сапог? Как ни крути, связь человека с Родиной крепка, и не разорвать ее ни временем, ни расстоянием. В каких бы райских уголках он не обитал, его в течении всей его жизни будет манить на этот несчастный клочок родной земли. И пускай он чужак на той земле, земля не станет для него чужой. В дороге, в бесконечных размышлениях я с ужасом представляла, что не приведи меня мое упрямство в этот город, мы могли никогда не встретиться с Ольгой. Если бы я знала заранее о том, что меня ожидает, какой бы выбор я сделала?

Глава 4

Душный дачный автобус увозил нас ранним субботним утром из пыльного города в лето. Автобус, окна которого предназначены для чего угодно, только не для проветривания. Пассажиры, люди сплошь пожилого возраста, выглядели точно беженцы; до отказа набитые китайские клетчатые сумки, ведра, чайники, ящики с помидорной рассадой и прочая дачная атрибутика. Дачные романтики. Ни тетя, ни я определенно не вписывались в образ заядлого дачника. В нашу первую совместную поездку мы отправились налегке, не имея при себе ничего кроме провизии, сменной одежды и моей вечной спутницы – камеры в рюкзаке. Ну, надо же с чего то начинать! Миновав железнодорожный переезд, наш автобус уперся в березовое редколесье. Высадившись на остановке «Сады», навьюченные дачники, переваливаясь от ноши, потопали по своим коротким тропинкам, а мы пошли напрямик через березовый лесок. Обильная доза трав и деревьев на заточенного в городские оковы человека, действует как нечаянно разлитый большой флакон зелёнки, медленно растекающейся по уставшим от серости глазам. Мои легкие аплодировали мне, вдыхая свежесть разряженного воздуха. Очарованная птичьим гомоном я остановилась. На поляне переливались серебристые нити. Замечали, как геометрически выверено соткана паутина? Природа это и есть *initium*

sarientice.¹⁹ Тетя намеренно вела меня лесными закоулками, презентуя самые лучшие виды этой местности. По узкой, уже успевшей зарости высоким разнотравьем березовой аллее мы вышли к нашему участку. За поржавевшим невысоким железным забором торчал белый фасад треугольной крыши типичного кирпичного советского дачного домика, заметно выделяясь на фоне заброшенных соседних участков. Разросшиеся кусты малины вываливались из-за деревянного штакетника. Со скрипом отперев калитку забора, я обомлела от увиденного.

– Тетя, у меня к вам только один вопрос, как Вы могли скрывать от меня такую красоту? – спрашивала я замороженная. Когда Вы все успели? Домик с навесом, ухоженный двор, ведущий по бетонной усаженной белыми розами дорожке за дом к саду.

– Тебе некогда было, я не хотела беспокоить тебя. Девочка, тебе правда нравится здесь?

– Не то слово!

– Значит остаемся?

– Конечно, остаемся! – воскликнула я, подпрыгнув на месте, бросив рюкзак в траву и побежав в сад. Сад изобиловал ягодными кустами и плодовыми деревьями: малиной, крыжовником, смородиной, клубникой; вишней, грушей, яблоней, сливой, облепихой, жимолостью, иргой. Название поселка полностью оправдывало себя.

¹⁹ *Начало познания (лат.)*

– А куда девались те дачники, что ехали вместе с нами сюда? Соседние дачи вроде заброшены все почти, – спросила я, прибежав обратно к тете.

– Это огородники. Их участки в открытом поле в конце поселка находятся.

– Я думала, что у вас тоже огород.

– Зачем он нужен? Картошку я могу и в магазине купить, если надо, – сказала тетя, дергая замок на железной двери домика, затрудняясь открыть его, – дача в первую очередь должна приносить эстетическое наслаждение, а уже потом все остальное. Как говорил Антон Павлович²⁰, «Ни пахать, ни сеять, а жить в свое удовольствие»? Будем называть это загородным домом, а не дачей. А раз уж так огород хотела, я там за грушей посадила зелень и огурчики, можешь поливать.

– Простите меня тетя, мне так стыдно перед вами за свои выкрутасы и невнимание к вам. Вы считаете меня эгоисткой, да? – спрашивала я, смотря на нее исподлобья, стоя на крыльце дома.

– Настоящий эгоист никогда не признает себя эгоистом. Признание человеком своих недостатков обнажает его достоинства, – сказала тетя, подмигнув мне, снимая замок с двери, – надо будет замок сменить, проходи!

Приоткрыв дверь, в нос ударил затхлый запах. В мое отсутствие тетя не заходила в дом. Первое, что бросалось в

глаза это широкая деревянная лестница без перил, ведущая к квадратной дыре в потолке, очевидно на второй этаж. На первом этаже располагались две маленькие захламленные комнатки. Тетя рассказала, как теперь уже наш участок простоял без хозяина около десяти лет. Бывшие владельцы еще в начале двухтысячных бросили дачу, оставив все как есть, и уехали из страны. Коллега тети по гражданскому проекту, какая-то там их дальняя родственница, узнав о тетиних поисках, предложила этот замечательный вариант. Помните как у Тарковского: «Все меньше тех вещей, среди которых, я в детстве жил на свете остается». «Где лампы молнии, где черный порох...» «Где остров мертвых в декадентской раме..., пахучие калоши треугольник». Только не в этом доме.

Типичное дачное постсоветское убранство. Старенький перекошенный советский сервант с отсутствующими стеклянными дверками, заставленный невзрачной подпиской «Роман газеты» и «Садоводство», среди них, отличаясь пестрой обложкой, лежала маленькая книжечка «Сквозная линия».²¹ Лакированные олени рога, висевшие на фотообоях с видами Кавказа над диван-кроватью; старые рамочные стулья, застеленные круглыми красными вязаными ковриками; пылесос Витязь, стоявший в коробке рядом со свернутыми в рулон коврами. Прячущийся за лестницей хорошо сохранившийся холодильник Бирюса; допотопный посудный шкаф со стоящими внутри жестяными красными в горошек банками

²¹ Роман Людмилы Улицкой

и наконец, то, без чего не пустовала ни одна советская стена – «Неизвестная» Крамского, в народе прозванная Незнакомкой. Копии этой картины печатались и расходились нештучными тиражами по всей стране, и у нас в квартире висела такая, но мама быстро от нее избавилась, услышав легенду о приносящей беды и несчастья в дом картине. Время будто замерло здесь.

– Неплохо было бы порядок навести, – говорила я, осматривая владения.

– Хозяйничай, девочка! – с облегчением сказала тетя.

О, эти забытые вещи, когда-то кому-то принадлежавшие. Получается, теперь вы принадлежите мне? Что же прикажете мне с вами сделать? Отдернув пожелтевшую тюль, распахнув окно с голубой рамой, я увидела решетку. Из-за густого куста рябины, создававшего постоянную тень в комнате, я не сразу разглядела ее.

За делом время пролетает незаметно. Сил на уборку хватило только для первого этажа, второй этаж остался не обследован. Тетя позвала меня обедать в сад. Салат из свежих огурчиков, лучка и редиски прямиком с грядки, ароматный чай, заваренный с добавлением листьев мелисы и смородины, свежий воздух и физические нагрузки способствовали улучшению моего аппетита. Вокруг такая тишина, что если прислушаться, можно услышать чужие мысли. Недаром буддисты, отшельники и разного рода просветленные удаляются от бренного и суетного мира, ища тишины и покоя для

медитаций и ощущений связи с космосом, или чем они там обычно занимаются?

– Ах, какая помощница у меня хорошая, по-молодецки раз, два и все готово. Я бы с уборкой дома долго провозилась, – сказала тетя, нахваливая меня.

– Осталась пара штрихов и можно жить, – сказала я. Удивительно, что никто не обчистил дом за столько времени.

– Коллега моя, Тамара Александровна присматривала за домом, заодно пользуясь дарами сада. Ее участок находится на въезде в поселок, – сказала тетя, составляя посуду со стола в таз для мытья.

Практически закончив с наведением порядка, тишину разрезал звук скрипнувшей калитки.

– Тетя, куда Вы? – спросила я, выбежав на крыльцо с влажной тряпкой в руках.

– Вода питьевая закончилась, пойду на колонку схожу, – сказала она, держа в руках две пустые пятилитровые баклажки.

– Постойте, давайте я схожу.

– Ты можешь заблудиться, – жалея меня, сказала тетя.

– Идемте вместе тогда, – сказала я, бросив тряпку и подперев дверь кирпичом.

Мы пошли по тенистой заросшей чистотелом и крапивой алее в другом направлении от нашего участка, вдоль причудливо-красивых и заброшенных домиков. Солнце еле пробивалось сквозь рощу высоких берез. Единственная колонка во

всем поселке находилась около дома председателя садового товарищества. Бедная тетя, думала я, ей совсем некому помочь. Аллея расширялась, и мы вышли на дорогу к большому водоему. Мужичок, на дальнем берегу водоема на зеленой резиновой лодке и в морской фуражке удил рыбу.

Глава 5

– Доброго дня Эмма Рудольфовна!

– Здравствуйте Чингиз. Что-то вы давно не заходили к нам, – сказала тетя, поставив на скамейку у подъезда тяжелый баул. Чингиз посмотрел на меня растерянно. Он вызвался помочь нам с нашим мини-переездом. По полной загрузив машину Чингиза всем необходимым для проживания на даче, кроме всего прочего я взяла с собой один из тех пакетов с учебниками, что дала мне Алла Николаевна. В тихой безлюдной обстановке я надеялась прийти в себя после выпавших на мою долю испытаний за прошедший год и хотя бы немного подготовиться к предстоящей учебе.

Оставив машину неподалеку от водоема, нам пришлось перетаскивать вещи в несколько заходов. Мужичок на резиновой лодке все также удил рыбу.

– Красивая природа, я бы наверно тоже захотел остаться тут, – говорил Чингиз.

– Гостите, сколько хотите, – сказала тетя, замыкая собой колонну.

– Саша, и ты не против? – спросил он, обогнав меня.

– Да ради Бога, в нашем теремке места всем найдется, – сказала я, закатив глаза.

– Я если что, какая помощь нужна, все делать умею, – говорил ликовавший Чингиз.

– Вот и чудненько, поможете баньку растопить, у меня с ней дело не ладиться, – сказала тетя, доставая из моего рюкзака ключи от домика.

Занеся в дом сумки, я попросила Чингиза поднять часть вещей на второй этаж, на котором я планировала поселиться. Лестница второго этажа наподобие лестницы, ведущей из темного сырого погреба наверх.

– Давай руку, – сказал он, поднявшись.

– Держи, аж голова закружилась, – сказала я, отряхываясь от пыли летящей сверху.

– У вас внизу две комнаты же есть, зачем по крутой лестнице взбираться каждый раз?

– Здесь нет решеток на окнах, – сказала я, открывая пыльные бамбуковые жалюзи.

Треугольная, обклеенная газетными листами комната в стиле минимализм: стол, окно да табуретка.

– Аскетично. А что, мне нравится, – сказала я.

– Катаев. Сын полка, – сказал Чингиз, рассматривая книгу, лежавшую на столе.

– Полка́, тундра! – воскликнула я, поправив его.

– Возьму почитать, – сказал он, покраснев. Саш, я тут подумал, – начал он, но тетя перебила его, позвав нас: «Ребята, ну где вы там?»

Я по-быстрому навела порядок в своих апартаментах, учитывая отсутствие захламленности, много времени это не отняло, и занялась обедом. Мы устроили летнюю кухню под на-

весом во дворе. Привезенная электроплитка пришлась кстати. Торопиться было некуда, впереди ждало семьдесят летних дней и ночей. Тем временем Чингиз давал тете Эмме уроки по растопке бани. Мой день проходил в приятных заботах. Среди найденного в шкафу вороха старой, но пригодной для дачной жизни одежды, я достала и выстирала старую тюль, быстро высохшую на солнце, чтобы можно было спастись ею от назойливых мух. Чингиз помог повесить тюль на входной двери, посадив ее на кнопки на косяк дверного проема.

– Улыбочку, – сказала я Чингизу, наводя на него объектив. Выберусь отсюда, напечатаю для тебя фотографию.

Печной дымок оповестил о готовности бани.

Хлюпяя мокрыми сланцами, я бежала от бани до домика по кирпичной дорожке освещенной солнечными фонариками, заглушая хор сверчков. Только из нашего окна лился свет.

– Тетя, ступайте, в бане уже не жарко, – говорила я, войдя в комнату, снимая полотенце с головы.

– С легким паром, девочка. Грейте ужин ребятушки, скоро буду! – сказала тетя, улыбаясь нам.

– Тетя у тебя конечно мировая, – сказал Чингиз, дождавшись, когда она выйдет. У вас внешность очень похожая. Я если бы не знал, то подумал, что она мама твоя.

– Мне тоже иногда так кажется, – сказала я, посмотревшись в зеркало, висевшее на стене.

– Саш, мы днем не договорили с тобой, – сказал он, встав с дивана и подойдя ко мне.

– О чем? – спросила я, вытирая полотенцем мокрые волосы.

– О нас, – сказал он, смотря в мое отражение.

– (О нет, пожалуйста, только не это), – думала я. – Что, о чем ты, я не поняла.

– Кто мы с тобой? Друзья, или может, попробуем...

– Ну, конечно же, мы друзья, – не дав ему закончить, задорно сказала я, повернувшись к нему, на самом деле понимая, какой смысл он вкладывал в свои слова.

– Я наверно поеду, – сказал он, заметавшись по комнате.

– Спасибо тебе, ты нам очень помог сегодня, мы без твоей помощи не справились бы, – говорила я, сама не зная что.

– Эмма Рудольфовна, большое спасибо вам, за ваше приятное общество, сожалею, но я должен ехать, пора мне, – сказал Чингиз, целуя руку вернувшейся тете.

– Как пора? Куда? Вы что, не останетесь ночевать? – сказала тетя, искренне расстроившись. Нет, без ужина мы вас не отпустим.

– Действительно Чина, поужинай с нами.

– Мне, правда пора, я выберу время и приеду к вам еще, – сказал он, еще раз поцеловав ее руку, игнорируя меня.

– Что ж, жаль, – сказала тетя, – девочка, проводи гостя.

– Я сам, не нужно, до свидания.

Он ушел, скрипнув калиткой.

– Зачем ты его обидела? – грозно посмотрев на меня, сказала тетя. В ответ, сжав губы, я пожала плечами.

– Думаешь, я не вижу в чем дело? Измываешься над парнем почему зря. Сколько будешь его мучать? – запричитала тетя. Бегает за тобой как собачонка, глаз не сводит. Красавец; высокий, обходительный еще и хозяйственный в придачу, а ты что?

– Сердцу не прикажешь. Тетя, у меня настроение сегодня весь день хорошее, давайте не будем его портить такими пусяками.

Чингиз пообижается и все поймет, мы же друзья, – обнимая ее, сказала я. Лучше давайте ужинать и спать укладываться.

Пожелав тете Эмме доброй ночи, я вскарабкалась по лестнице в треугольную комнату. Полная луна заглядывала в окно моей кельи. Я лежала на полу, на надувном матрасе, в ближайшее время служившим для меня кроватью, беззаботно засыпая.

Короткая летняя ночь сменилась голубым предрассветным туманом. Это была первая и самая кошмарная ночь, проведенная на даче. От резкого пробуждения мою правую ногу стянуло судорогой. «Куда ночь туда и сон, куда ночь туда и сон» проговаривала я тяжело дыша смотря в окно просидев некоторое время не шелохнувшись в одном положении вспоминая подробности сна. Это был не сон, это была

явь пережитая мною ровно год тому назад на берегу Иртыша. Теперь я четко разглядела то печальное лицо, я узнала его, это было лицо Ольги смотрящее на меня из дрожащей воды. Мое лицо опускалось в воду сливаясь с ее лицом. Наволочка на подушке была мокрой. Оглядываясь по сторонам не находя бутылки с водой я упала на спину закрыв глаза представляя как вновь придется спускаться по крутой лестнице. Судорога не отпускала мою ногу. Поднявшись на карачках я пошла прихрамывая на правую ногу к дыре в полу.

– Блин, вот кто сюда поставил этот пакет, – сказала я, морщась от боли, запнувшись о пакет с ольгиными учебниками. Книги вывалились из пакета на пол. Наспех собирая учебники с пола, в моих руках оказалась белая общая тетрадь. Подойдя поближе к окну, так как электричества в моей комнате не было, (да оно и не нужно было в короткие летние ночи), прижавшись лбом к стеклу, я начала рассматривать тетрадь. Веером пролистав тетрадь я сначала подумала что возможно это школьная тетрадь с конспектами, да, так и было, тетрадь по биологии, ученицы 11“а” класса Портновой Ольги. Дойдя до середины в правом верхнем углу красными чернилами было написано: «Жизнь по протоколу». Внимательно читаю.

Жизнь по протоколу

Девчонки в палате обсуждали тему «о пользе и необходимости ведения дневника», что внесение записей в тетрадь

при наших обстоятельствах якобы дисциплинирует и не даст упасть духом окончательно. Хм, детский сад. Я не нахожу для себя необходимости в этом «полезном» занятии. Привет. Как вы поняли, все – таки я решилась. На сегодня хватит.

Меня определили в палату к двум коренным ее жительницам, лысым девчонкам Яне и Маше. Нас объединяет общий диагноз ОЛЛ. «Приветствуем тебя, идущая на смерть», оптимизм граничащий с черным юмором. Маша протянула мне маникюрные ножнички, а я, не раздумывая приняла их. Мне предстояло побывать в их шкуре.

Прочищали с сокамерницами засорившуюся раковину от рыжих волос. Провожу над собой эксперимент.

Привет дневник, все время забываю внести в тебя запись. Говорила же, бесполезное занятие...

Эх, жизнь...

Различать мне дано золото и серебро,
Что добро есть, что зло.

Предрассветный мотив разбудил в небе птиц,
И меня понесло...

Понесло меня вдаль. Я увидел печаль...

Понесло меня ввысь. Там зрачковая слизь.
Море и океан...исходил много стран
Намотался и... вниз! Эх, жизнь

Можно жить без дождя, без огня, без забот.
Без любви жизни нет.

Сотню старых монет завецал дряхлый дед,
Зная жизни секрет...

Нарисую портрет в красках ночи и дня –
Черно-белая высь. Солнце. Ветра свист.
Море и океан...исходил много стран
Намотался и... вниз! Эх, жизнь

На матерей смотреть больно. За какие заслуги им наказание такое?

Девчонки ветераны химиотерапии. Вздрагивают от одного слова. У Маши четыре боя, у Яны три. Без наград. Об ощущениях помалкивают, словами не опишешь. Сама должна попробовать. Скоро первый бой.

Боль нашла здесь приют

Мои ноги как рельсы по ним мчится поезд,
Ускоряя мой тихий размеренный ритм
И не слышно вокруг ни дыханья, ни слова

Люди спрятались, люди боятся морщин

*Истекает слюна на кровавые раны
У подруги огня – бабы с именем Боль
И скрипит моя дверь то налево, то прямо
Отравляя мой дух, приближая покой*

*В небе огненном свет – это черное солнце
Отрезвляющим взглядом пронзает мой стон
Дунет ветер и снова паскуда проснется
И опять как всегда все пойдет кувырком*

*И не сможет никто ничего переправить
Пулеметная очередь скосит траву
Лишь ненужные лица врезаются в память
Не хочу умирать, я еще поживу...*

Забавно. Мечтаешь очутиться на месте главной героини любимого художественного произведения, а жизнь закидывает тебя в другое, и далеко не художественное. Полное погружение.

Маше нашли донора. Едет в Москву завтра. Держим кулачки за нее. Попращались на всякий случай.

На тропе войны

Научусь читать через слой очков мысли по глазам
Распилю звезду я на пять кусков и раздам друзьям
Докурю письмо мне б глоток воды только б не заснуть
Вытру на лицо полотенца грязь и в последний путь
На тропу войны

За грехи свои заплачу сполна – ракова печать
И гитары плач подпоет сестре – рано умирать
Где идет дуэль ада и богов – мечен путь огнем
Обжигая плоть лезвием ножа, день идет за днем
На тропе войны

Лишь писульки в тетради и останутся. После тебя.

Старый альбом

Старый альбом – эхо минувших лет
Запечатлел жизни моей портрет
Пыль отряхну – времени след, рукой
Старый альбом – жизненный спутник мой.

Жизнь коротка. Нам не дано иной
Словно река. Водоворот крутой
Старый альбом этот нескучный миг
Верно сберег средь пожелтевших книг

*Радость побед и огорчений миг
Лица друзей? я отвыкла от них
Прожито сто, может быть тысячу лет
Старый альбом жизненный мой портрет*

*Заставляют ходить на уроки. Вспомнила слова нашего
отмороженного историка, «ученик может не прийти на за-
нятие только в случае своей безвозвратной кончины». По-
глядел бы он сейчас на слизня в моем лице, сползающего по
стенам больницы.*

Эра желтых камней

*Жизнь влетает в Эру жёлтых камней,
Хороня за собой чушь бредовых идей
В мире тонет вода и сгорает огонь...
В черепах сквозняки – здесь гулял сэр Террор*

*Смысловая атака нагрузит мой мозг
Предъявив пропуска, Бог проходит блок пост
И не видно друзей, и не слышен их зов,
И пропал в пустоту ржавый поскрип подков*

*Старый город уснул – умирал много лет
Спрятал сердце своё в рваный клетчатый плед*

*Перестану гадать на ладонях судьбы
Через призму добра наши сбудутся сны...*

*Санитарка нагло скомкала постельное Яны, засунув его
в грязный мешок. Буду куковать в одиночку. Впереди второй
бой. Не с кем разделить.*

Вирус

*Он забрел в твой госпиталь
Не поддайся ему. Он забрел в твою тьму...*

*Я вылез из склепа взглянуть на тебя
Мы были когда-то большие друзья
Ушел в мир иной твой последний король
Кровавые руки сожгли мою плоть*

*Мне ангелы в кирзовых сапогах
Плечо истоптали в рассказах о снах
Мой лик на иконе под куполом дня
Как татуировка на Стелле огня*

*Осадок на теле от прошлой войны
Мы загнаны звери кнутом сатаны
Убил меня вирус – теперь твой черед
Шифруй свою ауру, вот он идет*

*Мой вирус – мой молекулярный распад
Окончен наш бой. Не вернусь я назад
Ушел в мир иной твой последний король
Теперь ждет тебя изоляции боль*

Жесткие отходники

*Чувство страха боится моего настроения. Нас уже не трое.
Не приходит.*

Ядерный мотив

*Снег в жёлтой траве
Дождь в тысячах глаз
Стон грешной земли
Жизнь – роскошь и блажь*

*Ты не видишь сны, я не вижу сны
Мы с тобой в огне. Сожжены кресты
Ветер напоеет ядерный мотив
Время убежать – не осталось сил*

*Здесь выхода нет.
Солнца огненный шар...
Здесь мертвенный свет*

Ляжет к нашим ногам

Не услышим взрыв, не увидим боль...

Будем за чертой, не услышим стон –

Грешный стон земли, где остались сны,

Где последние сожжены кресты...

*Кажется, мною раскрыт чудодейственный секрет от-
сутствия надлежащего ремонта в наших больницах и ком-
петентности их персонала. Болезнь отступает сама собой
при одной мысли пациента скорее покинуть стены этого за-
ведения.*

Водопад теней

Умирает век, унося с собой наших дней огонь

Порождая тень, страх былых побед и забытых войн

Наша жизнь игра, поколенья мчит – водопад теней

Забываем всё, но живёт ещё дух великих дней

*Грязь постылых лиц, морщась, нас ведёт в город из стек-
ла*

*Наша боль, как иприц – вознесёт наверх и сожжёт до
тла.*

И вдруг встанем мы, позабудем страх и ошибок вред.

Разбивая визг запоём о том, оставляя след

*Наша жизнь пуста, потеряли мы дух безумных дней
Впереди подъем. Хохот наших фраз – водопад теней
Что прожили мы, не забыл о том дух великих дней
И твои труды к Небу вознесёт водопад теней*

На полах моих – потолки. Третий раунд.

Плен

*Прорублю я окно в стене
Чтобы встретить рассвет весны
Рассказать ей о том, как здесь
Не хватает ее любви*

*Сдохли мухи в стакане слез
Только стены вокруг мой плен
Тихо тает свеча. Её
Пусть задует ветер перемен*

*Прорублю я окно в стене
Чтобы Бог заглянул в мой ад
Грешный дух мой убит свинцом
Здесь остался лишь трупный прах*

Стая воронов надо мной

*Будет долго кружить – кружить
Прорублю я окно в стене
Чтобы крикнуть в хрип – НАДО ЖИТЬ!*

Выкуси падла. Две недели и домой.

Когда в моем городе ветер

*Когда в моем городе ветер – тоска бьет меня по рукам
Мерцающий в камне за этим, слепой и воинственный*

Храм

*Во сне, что не видел иначе – не вижу теперь жития
Потухший и праведный факел тусклее, но стойко зиял!*

*Слепой и величий старец, танцующий грозно в огне
Покорно волнующий танец... Он молвит для всех на Зем-
ле,*

*Что в жизни не видящий братства, зачем созерцает по-
рой,*

*Когда сотворив святотатство – хранитель теперь и ге-
рой.*

*Казненным и вечно усопшим – он слезами жжжет черноту,
Воюющим и не утопшим – он песнь восхваляет одну,
Чтоб не было больше бессмертных, ничтожных и глупых*

имен

На крови замешанных бледных. Пленен и казнен палачом.

*На камне, что в Храме Священном, покоится тело его,
Огнем и мечом разогрето, величие ложе его*

*Пришедших к нему за советом – не гонит, а дело гласит,
Бушующим в городе ветром – рушит стены и снова творит*

*Зачем нам гниющие стены, что в битвах сравнялись с
землей*

*Для путников смелых и пленных, блуждающих мимо по-
рой*

*Дозором свой град охраняет слепой и воинственный Храм
И факел все также зияет, тепло отдавая стенам и нам*

*И старец все так же не дремлет, взрывая страх и горечь
обид*

Бушующим в городе ветром возносит жизни и снова творит

*Всё меняет свои очертанья простым взмахом жесткой
руки*

А Храм сохранит изваянье на дне пересохшей реки...

Дождаться окончания летних каникул ради начала учебного года. Со мной такое впервые. Ольга с помощью своей тетради распахнула мне свою душу. Ольга, которую знала я,

и та Ольга, чьи стихи не выходили из моей головы, казалось, не могли иметь между собой ничего общего. Перечитывая ее записи, мокрыми от слез глазами, у меня не оставалось и тени сомнения о правильности выбранного мною направления в медицине. – Господи, думала я, бедные девочки, какой ад пришлось пережить каждой из вас. *Hölle auf Erden*.²² В одночасье повзрослевшие дети. В то время пока ты капризничаешь, выбирая, где и как тебе лучше жить, твои сверстницы не мечтают ни о чем кроме как просто жить.

²² *Ад на Земле (нем.)*

Глава 6

Лето достигло своей середины. В саду покраснела малина. Зелень воспрянула от умывших землю дождей, идущих который день. Я стала бояться дождя, как плохой приметы, как предвестника надвигающейся беды. Тетя зачастила гостить у коллеги-соседки, оставляя меня в одиночестве. Алла Николаевна звонила напомнить о приближающемся дне рождении дочери, приглашая меня на обед. Я обещала быть.

Ближе к вечеру по обыкновению я ходила на колонку за водой мимо темного заросшего водоема. Мужичок недвижимо сидел в резиновой лодке, удя рыбу. В период дождей самый лучший клев, хотя, откуда в этом болоте может водиться рыба. Накачав воды в бутылки (попутно качая мышцы рук), я свернула к водоему убедиться в том, что мужик на лодке – не муляж и не местная достопримечательность. С полными пятилитровыми бутылками в руках, я спускалась к воде маленькими шажочками, намочив ноги в мокрой от дождя траве. Тишина в воздухе такая, хоть ножом на куски нарежай. Поставив одну бутылку на землю, я сделала из большого и указательного пальцев кружок, сузив его и подогнав под свое зрение, объект был взят на прицел. Живой! Этот способ всегда приходит ко мне на выручку, забудь я взять с собой очки.

Из разросшегося по берегу камыша в воду с плеском как чертик из табакерки вывалилось тело, до жути испугав ме-

ня. Бросив бутылку я, не колеблясь, побежала на помощь, поскользываясь на мокрой земле.

– Э-эй, женщина, – закричала я, зайдя в воду.

Ухватив лежащую ничком женщину за подмышки, я вытаскивала ее из воды. Тяжелая зараза! Мы завалились вместе с ней на землю, и я больно ушиблась копчиком. И только выбираясь из-под придавившего меня груза, я увидела, что это была не женщина, а прилично одетый обросший недельной щетиной молодой мужчина. Его черные густые ниже плеч собранные резинкой волосы ввели меня в заблуждение. Я вовремя подросла, он не успел сильно нахлебаться воды, но еще пара секунд и было бы поздно. Правду говорят, что пьяных Бог бережет.

– Мужчина, вы меня слышите? – спрашивала я, склонившись над ним, хлестав его по щекам, приводя в чувства. Жить, что ли надоело?

– Отвали пацан, – зарычал он, прокашлявшись и оттолкнув меня в сторону так, что я вновь упала на землю.

– Эй, вы что делаете? Я вам тут жизнь спасаю, а вы меня толкаете, – сказала я с обидой в голосе.

– Я не просил себя спасти, – лежа на спине в мокрой траве и возводя к серому небу глаза, рыдая, говорил он.

Он не на шутку разозлил меня.

– Да что вам сделала эта жизнь, что вы так бездарно хотели с ней расстаться? – отчитывала я его.

– Я сказал, отвали, – он отвернулся набок и захрапел.

Я подползла к нему на коленях.

– Что у вас случилось, я могу вам помочь? – спрашивала я, слыша храп в ответ.

Мои совесть и воспитание не позволяли мне оставить человека в таком состоянии. Мало ли что ему пьяному еще в голову взбредет. Мужичок на резиновой лодке даже не пошевелился.

Темнота сгущалась.

– Мужчина, – дергая его за руку, говорила я. Где вы живете, какой номер вашего участка?

– Зеленый забор, – еле ворочая языком, сказал он.

Вывозившись по уши в грязи, я растолкала пьяное тело, заставив принять вертикальное положение. От вымокшей одежды у меня зуб на зуб не попадал, а ему хоть бы хны. Зеленый забор, и где его сейчас искать? Я вспомнила про большой дом с мезонином за высоким тёмно-зелёным забором из металлочерепицы в пяти домах вверх от нашего участка, не сродни нашим нарощечным домишкам. Я видела тот дом в свой первый приезд на дачу. Конечно, маловероятно, что он может жить в том доме, ну а вдруг. Облокотив на себя тяжелую тушу, я потащила его в обход нашего участка, чтобы не попасться тете на глаза.

– Пацан, слышь, пацан, закурить дай, а пацан, – бормотал он, заплетаясь ногами и языком. Коротким путем я дотащила его на себе до дома. Ворота зеленого забора были открыты настежь.

– Это ваш дом? – спрашивала я, снимая его тяжелую руку со своей шеи.

– Зеленый забор, – отвечал он, склоняясь к земле.

Вырвавшись из моих рук, он упал на колени и пополз к крыльцу. Закрыв за ним ворота, я мчалась за оставленными у водоема бутылками с водой. На мое счастье тетя еще не вернулась из гостей. Пулей умывшись в бане ледяной водой и переодевшись в сухую одежду я посмотрелась в зеркало висевшее в предбаннике. На моем левом ухе не доставало золотой сережки. – Посеяла. Сняв вторую сережку, я убрала ее в карман. Добежав до домика, я села в кресло отдышаться от марш броска.

– Тетя? Вы уже вернулись? Как ходили?

– Хорошо ходила, – сказала тетя, положив на стол сверток со свежей рыбой.

– Откуда рыба?

– У дороги за участком Тамары Александровны продают. Карпики свежие.

– Здорово. Я не услышала, как вы вошли, – сказала я, не услышав привычного скрипа калитки.

– Калитка открыта была. Ты чего взъерошенная вся?

– Я?

– Ты. Мне мама твоя звонила сейчас, говорит, ты на звонки не отвечаешь весь вечер.

– Телефон наверху остался, а я в саду на качели читала, – выкрутилась я. Два пропущенных от мамы, четыре от Чин-

гиза.

По крыше всю ночь стучал дождь. Промочив ноги, я сидела в своей комнате, закутавшись с головой в одеяло, трясясь от холода. Я сидела и покусывала нижнюю губу, переживая о том мужчине. Лишь бы глупостей не натворил. А что, если он один в доме, и ему никто не поможет? Ничего, пусть проспится, нашел пацана, тоже мне, – сказала я вслух, сменив милость на гнев.

Утром меня разбудил все тот же стук по крыше. Походу надорвалась, подумала я, ощущая ноющую боль в спине и руках. Вдобавок ко всему еще и сережку потеряла, а это подарок брата на совершеннолетие.

– Девочка, ты уже проснулась? – нежным голосом спрашивала тетя. Спускайся, умывайся и будем завтракать.

– Guten Morgen, tante, – сказала я, высунув ноги на лестницу, постепенно показавшись полностью. На сковороде шкворчала яичница.

– Guten Morgen, Madchen, как спалось? Ты кашляла ночью.

– Да, холодно было, не обращайтесь внимания, – шмыгнув носом, сказала я.

На подоконнике, настаиваясь, бурлили две банки кваса для окрошки.

– Чем планируешь сегодня заняться? – спрашивала тетя, наливая чай.

– Читать буду, осваивать материал. Видали, сколько учеб-

ников привезла с собой.

– Тебе не скучно здесь?

– Что вы.

– Хочешь, вместе пойдём в гости к Тамаре Александровне, она тебя приглашала. Она женщина интересная, пасьянсы раскладывает.

– Спасибо тетя, я не хочу никуда идти.

– Девочка, а тогда ты не будешь против, если я Тамару Александровну приглашу к нам?

– Делайте что пожелаете, тетя, – сказала я, мысленно находясь у водоема.

Целый день напропалую сеялся противный мелкий дождь. Перво-наперво мне нужно было отыскать сережку. Прибыв после завтрака на водоем, я вскинула голову кверху, смотря на кроны берез.

– Что березы расшумелись? – сказала я, поставив руки на бок. Помогли бы лучше серьгу найти. Безрезультатно вдоль и поперек облазив берег, я, поникнув, побрела домой, кленовой палкой избивая подростшую от дождей траву.

Тетя Эмма редко поднималась ко мне на этаж, поэтому была уверена, что я занимаюсь. А я провалялась весь день, слушая любимую ольгину музыку. Вздвогнув от пронизывающего скрипа калитки, я подскочила к окну. К нам во двор зашла крупная немолодая черноволосая с седой прядью женщина, промокшая от дождя до нитки. Тетя открыла ей дверь. Я высунула голову в дырку в полу, посмотреть на гостью.

– Добрый вечер девочки, – сказала женщина. А вот и я.

– Здравствуйте, – сказала я, тут же спрятавшись, чтобы не мешать их общению. К нам пришла та самая коллега-соседка Тамара Александровна.

Что день, что вечер, не понять, все однотонное. Я спустилась вниз за водичкой. Они перетащили стол с кухни в другую комнату, чтобы разговорами и горячим в комнате светом не мешать мне.

– А, девочка, присоединяйся к нам, – сказала тетя, держа в руках игральные карты. На столе стояла початая сливовая наливка принесенная соседкой.

– Еще раз добрый вечер, Александра, – сказала соседка, пронизательно смотря мне в глаза, сидя в тетином летнем халатике.

– Добрый, – сказала я, убрав руки в карманы. Во что играете?

– В тыщу.²³ Распишем на троих?

– Я не умею. Просто посижу с вами.

– Ну, посиди, посмотри, как старушки рубятся, – сказала соседка, засмеявшись своим грубоватым голосом.

Я, зевая, принесла табурет с кухни и подседа к ним за столик. Ветер за окном давал концерт. Моя стихия.

– Наливочки? – предложила мне соседка.

– Не спаивай мне ребенка, – сказала тетя.

– Так до бесконечности можно играть, – кинув на стол

²³ Карточная игра

карты, сказала соседка.

– Да, жаль, что ты не умеешь, – сказала тетя, обращаясь ко мне. За столом собрались два маститых игрока.

– Ну что, теперь погадаем? – сказала соседка, потирая ладони.

– Я пас, без меня, – сказала я, вставая из-за стола.

– Все девочки любят гадать, не обманывайте себя Саша, – сказала Тамара Александровна, перетасовывая колоду.

– Ладно, давайте, – сказала я, с серьезным лицом вернувшись за стол, подключив весь свой скептицизм.

–левой рукой от себя, – сказала она.

Я сдвинула колоду, смотря ей в глаза. Она начала тасовать карты и раскладывать комбинации.

– Не закрывайся, руки на стол положи, – буркнула она.

Я повиновалась.

– Агрессии много в тебе излишней. Судьба непростая, – начала она, вытаскивая по одной карте. Зеркальная судьба. Скоро все на свои места встанет, все проясниться.

– Чего вы все вокруг да около ходите, общими фразами сыплете, – ухмылялась я, переглядываясь с тетей взглядами. Расскажите лучше о суженом, кто он будет?

– От тебя зависит, кто он будет. Сестра твоя умерла, за большой грех бабки своей расплатившись. Кара Божья постигла ее, – говорила она, вытащив из колоды еще одну карту.

– Вы че несете? – вспылила я.

– Через тебя исправление пойдет, – продолжала она. Ты конструктор всей ситуации.

– Так, девочки, пора закругляться, – хлопнув руками по столу, сказала я, встав с места.

– Зря вы так, Саша.

– Как так? Чего вы мне тут чешете про грехи чьи-то, сестру какую-то выдумали, у меня сестер отродясь не было.

– Карты врать не умеют, – спокойно отвечала она.

– Вы только что этими картами играли, а теперь гадаете на них же, да еще и подвыпивши, – сказала я, щелкнув себя пальцами по шее.

– Девочка, не груби гостье, – одернула меня тетя.

– Ничего Эмма, все правильно. Я пойду, проводи меня, – сказала Тамара Александровна. А вам Саша, удачи и терпения.

– Спасибо, и вам всего, – сказала я, возмущаясь, поднимаясь по лестнице.

Погода устаканилась. Утром, как ни в чем не бывало, взошло солнце. На рябине под окном раздавалось щебетание птиц, мешая мне спать. Тетя соглашалась со мной в том, что ее подругу вчера занесло не в ту степь. Получив от тети задание, собрать ягоды жимолости на варенье, мне предстояло сначала прогуляться до местного ларька за металлическими крышками на банки для закруток. Единственный продо-

вольственный объект во всем поселке находился по соседству с единственной на весь поселок колонкой, соответственно рядом с домом председателя садового товарищества. Купив упаковку крышек для тети и сливочное мороженное в стаканчике для себя, чтобы облегчить боль в горле, я пошла домой мимо водоема. Даже не спрашивайте меня, что делал мужичок на резиновой лодке. Казалось, в этом ларьке отovarивались только мы с председателем. Хоть бы одна живая душа на встречу попалась. Некогда дачникам по магазинам расхаживать, работать надо. Это нам курортникам, – не успела я закончить мысль, как кусты у болота зашевелились. Там явно кто-то прятался. Я ускорила шаг, случись что, мужичок на лодке мне точно не помощник. Проверено. Широкими шагами, измеряя расстояние от водоема до дома, безостановочно оборачиваясь, я дошла до калитки. Чего бояться, думала я, день на дворе, однако эта мадам Ленорман²⁴ заронила во мне своими гаданиями некоторый страх и тревогу.

Вечером того же дня по заведенному порядку с пустыми баклажками в руках я отправлялась за водой. Солнце за день хорошо просушило землю. Кое-где оставались неглубокие лужицы. Качая воду, я озиралась по сторонам. Отойдя от колонки, председатель, выглядывая из окна, кивнул мне головой в знак приветствия. Я кивнула ему в ответ. На углу водоема за поворотом рос высокий в три, а то и в четыре обхвата тополь. Заливисто квакали лягушки. Я шла и напевала за-

²⁴ *Мадам Ленорман – французская прорицательница и гадалка*

севшие в моей голове строчки из предпоследнего стихотворения Ольги: прорублю я окно в стене, чтобы встретить расцвет весны... Эти слова четко ложились на мою музыку. Я шла и представляла, как доберусь до гитары и сыграю песню.

– Здравствуйте милая девушка, – послышался низкий мужской голос.

Я обернулась. Прислонившись к тополи, крутя зубами стебелек бухарника, стоял высокий, широкоплечий, как сказала бы Анька «диковатой внешности» мужчина. Вот это да, подумала я, оглядывая его, и как у меня получилось такого детину на себе из воды выловить? Он выплюнул стебелек и подошел ко мне.

– Позвольте, я помогу вам, – сказал он сдержанным тоном, чуть робея. Негоже девушке тяжести носить.

– Вы меня напугали, – говорила я, стоя на месте.

– Не бойтесь меня, милая девушка, – заторопившись, говорил он. Это же я, вы узнали меня?

– Ах, это вы. А я думала водяной.

– Ёрничаете, девушка.

– Девушка, уже неплохо, – сказала я, поставив на землю полные бутылки, продолжив идти дальше.

– Прошу у вас прощения за свое поведение и обидные слова, – говорил он, догоняя меня. В моем состоянии трудно было что-либо разобрать.

– Намеряете на мои короткие волосы? Не извиняйтесь, я тоже не за того вас приняла.

– Это как?

– Со спины разобрать было трудно. Мы оба засмеялись.

– Я искал вас, чтобы спасибо сказать. Вы смелая девушка.

Вы спасли мне жизнь, – говорил он, не видя моей улыбки до ушей. Вы покорили меня своим отважным поступком.

– Да бросьте, любой другой окажись на моем месте, поступил бы точно также.

– Можете мне поверить, не любой.

– Все, протрезвели? – сказала я, повернувшись и невзначай посмотрев в его большие карие глаза загнанного зверя. Он смотрел на меня добрым отеческим взглядом. Теперь неловко сделалось мне.

– Вы не знаете, кто этот мужичок на лодке, что сидит в ней как приклеенный, – спросила я, смеясь и показывая рукой в сторону водоема.

– Это Антоныч. Он глухонемой. Видели, на въезде женщина рыбой торгует? Это его сестра.

Мне было неловко вдвойне.

– Разве в этом болоте водится рыба?

– Конечно. В этот котлован вода из Иртыша качается.

Неудобно было спрашивать о причинах его недавнего поступка, момент неподходящий, поэтому оставшийся путь до участка мы шли в тишине. Он шел позади меня, неся бутылки. Я спиной ощущала его энергетику, чувствуя себя защищенной.

– Все, пришли, – сказала я. Возвращайте бутылки.

Он без слов поставил бутылки на землю, густая высокая трава тут же спрятала их.

– Спасибо вам еще раз, – начал он серьезно, если бы не вы...

– Ну а если бы не вы, – сказала я, улыбаясь, то я не потеряла бы дорогую для меня вещь.

Он также молча полез правой рукой в карман своих черных джинсовых шортов, достав из него серьгу и на открытой широкой ладони протянув мне.

– Откуда она у вас? – спросила я радостно.

– Извините за подробности, проснулся утром после, в общем, вы поняли, разжал кулак, а в нем вот это. Возьмите пропажу.

Синими от ягод жимолости пальцами я дотронулась его ладони. Он дождался, пока я заберу серьгу, затем протянул ко мне ладонь и представился:

– Михаил.

– Са.., Александра, – сказала я, взяв его горячую ладонь в свою.

– Девочка, это ты? – увидев меня в обществе незнакомца, спросила тетя, подходя к калитке.

– Это тетя, все, мне пора, – схватив бутылки, сказала я. До встречи.

– До свидания, милая девушка, – сказал он, – закрываясь рукой от закатного солнца.

– Кстати, зря побрились, вам борода к лицу, – сказала я,

шмыгнув в калитку.

Он ушел по тропинке вверх навстречу покотившемуся за лес солнцу.

Глава 7

Я ждала вечера следующего дня, чтобы вновь пойти за водой, лелея надежду на случайную встречу, пока не понимая зачем. Задумчиво помешивая ложечкой чай, я неотрывно смотрела в точку на картине Крамского. Загадочная русская душа. Кто он, этот молодой человек, что четыре дня тому назад жаждал распрощаться с жизнью. Уверенность, что мы встретимся снова, выдавали мои глаза, которые были замечены настороженной тетей Эммой.

– Девочка, пей чай, остынет, – обеспокоенно сказала тетя, намазывая маслом ломтик пористого батона.

– Да, тетя.

– До чего варенье вкусное получилось, – выводя меня на разговор, говорила она.

– Да, тетя, вкусное, – в раздумьях, отвечала я.

– А что, скажи мне, нужно было от тебя тому бродяге? Он приставал к тебе? Или может денег просил? – протянув мне бутерброд, спросила тетя.

– Что, каких денег?

– На опохмелиться, – гордо заявила тетя, вернув меня своими умозаключениями в реальный мир.

– Этот как вы выразились бродяга, попал в тяжелую жизненную ситуацию (наверное, подумала я). И никакой он не бродяга, а весьма интеллигентный молодой человек, – защи-

щая Михаила, сказала я.

– Мы с Тamarой Александровной на днях, видели твоего интеллигента на пару с бутылкой, и что-то мне подсказывает, что, по тому, как он еле на ногах держался, в бутылке у него была не питьевая вода. Вот я и спрашиваю, что он хотел от моей девочки.

– Прошу вас, не надо стереотипов. Если мужчина несет в руках бутылку, это не означает, что он пьяница или забулдыга какой.

– Все равно, девочка, будь осторожна.

– Тетя, вы все преувеличиваете.

До вечера надо было как-то скоротать время. Объявись клубники, я угнездилась на садовой качели под высокой яблоней в компании учебника по фармакологии. Каждую минуту я отрывалась от чтения глядя через забор. Тетины предостережения на счет Михаила не пугали меня. Мне он не показался забулдыгой и уж тем более самоубийцей. Меня больше волновало то неведомое внутреннее ощущение, вызванное от общения с ним, когда окна и двери в твоей комнате с сифонящим сквозняком внезапно закрыли и теперь тебе нечем дышать, а ты не можешь понять, как открыть окно.

– Девочка, – строго позвала меня тетя, показывая в воздухе указательным пальцем круговое движение, чтобы я перевернула книгу. Я не заметила, как читала книгу, перевернутую вверх ногами. Да что со мной такое происходит, – хлопнув книгу и встав с качели, подумала я.

– Девочка, – крикнула мне тетя, ты розы сейчас зальешь.

Бросив в размытую клумбу шланг, я спешно перекрыла воду.

– Простите. Я все исправлю, – виновато сказала я. Тетя, покрутив головой, зашла в дом.

Время похода за водой настало. Надев свой лучший из имеющейся дачной одежды темно синий в мелкий белый горох сарафан, я окрыленная открыла калитку.

– Девочка, – окликнула меня тетя, ты куда собралась?

– Как куда? За водой.

– В доме воды предостаточно. Отдохни, не ходи сегодня.

– Тогда вместо двух бутылок наберу одну.

– Смотри, мимо колонки не пройди, – улыбнувшись, сказала она. Я улыбнулась ей в ответ.

Выйдя за ворота, я вприпрыжку поскакала по тропинке, размахивая пустой баклажкой в разные стороны, крапивою царапая оголенные ноги. В наушниках играла «эдж оф иллюжн» Джона Сермана.²⁵ Аллея расширялась, и я в предчувствии сбавила темп. У водоема пусто. Никого. Выглядело глупо с моей стороны надеяться, вновь с ним увидеться. Как же это неприятно выпадывать из гнезда, свитого из собственных иллюзий. Может я пришла слишком поздно, а может наоборот рано? – думала я, одной рукой накачивая воду, другой отбиваясь от комаров. Зато теперь мне известно имя рыбака Антоныча, олицетворения российского менталитета; вокруг страсти кипят, а он все сидит в своей лодке и устрем-

²⁵ Британский джазовый композитор, саксофонист и кларнетист.

ленно следит за поплавком.

Обогнув поворот, я приближалась к тому самому тополю, сбавляя шаг.

– Здравствуйте, милая девушка, – от знакомого голоса, внутри вспыхнул пожар.

– Вы меня напугали, – сказала я, обернувшись и запустив в волосы пятерню. Этот жест появился у меня с приобретением на голове коротких волос.

– Что же вы Саша, так поздно гуляете? – спросил он, подойдя ко мне и забрав из моих рук бутылку с водой.

– Кого мне бояться в этой глухомани? Председателя, Антоныча? А может мне стоит бояться вас?

– Да, Саша, вы бесстрашная девушка, заключил он. Торопитесь? – внушительно спокойным голосом спросил он.

– Почему же, нет, не тороплюсь – сказала я, а у самой от «укусов» крапивы зудели голяшки, и глаза слезами наливались.

– Угощайтесь.

– Что это?

– Шоколад, печаль лечить.

Он ждал меня каждый вечер на привычном месте у тополя, помогая нести наполненные бутылки заодно провожая до дома. Мы безмолвно прогуливались под деревьями в свете угасающего дня, не решаясь что-либо спрашивать друг у друга. А если и обращались друг к другу, то строго на «вы». Мы разговаривали взглядами. Искалеченная проксе-

мика. Он перестал бриться, приняв во внимание мое замечание. Мне было приятно.

– Поражаюсь, как такая хрупкая девушка как вы, умудрились вытащить из воды такого не хрупкого меня, – однажды заметил Михаил.

– Родная река помогла. Я ведь на Иртыше выросла. Поэтому приручить воду было несложно, – рассуждала я.

– Выходит, что и я на Иртыше вырос.

– Да, но с одной поправкой. Я росла в другой стране.

Тетя Эмма была крайне недовольна моим общением с Михаилом. Из ее уст больше не звучало ласкового словосочетания «моя девочка». Ей казалось, что я отдаляюсь от нее. Взрослые всегда сердятся, если дети идут наперекор их желаниям, не беря в расчет их личные мнения и чувства. Я разрывалась между тетей и новым другом. Она с трудом верила в его порядочность и безобидные намерения.

– Александра, ты помнишь, что тебе завтра надо ехать в город? – спросила тетя под вечер.

– Ой! – схватившись за обе щеки, сказала я.

– Эх ты. Гостинцы приготовила?

– Забыла совсем, сейчас соберу, – сказала я, забыв о данном Мише обещании быть вечером у тополя.

Я встала пораньше. В домике промежутками раздавался тихий храп. Тетя еще спала. Аккуратно подкрадываясь по

скрипучему полу мимо тетиной комнаты, чтобы ее не разбудить, я вышла во двор. Деревья в прозрачном воздухе стояли сонные. Взяв в коробке с инструментами секатор, я пошла в наш розарий, нарезать белых роз для моей подруги, в ее первый безучастный день рождения. Запаковав колючие стебли роз в газету, оставив для тети написанную записку на кухонном столе с текстом: «Уехала в город, не теряйте, люблю вас. Ваша девочка», я, приподнимая кверху калитку, во избежание скрипа, вышла за ограду.

На старте последний летний месяц, как подведение итогов. С полными котелками гостинцев собранными для Аллы Николаевны из сада, я стояла на автобусной остановке, ожидая дачного автобуса. День обещал быть жарким. Безлюдно. Бродячий пес зонарно серой окраски перебежал вслед за мной через дорогу, виляя хвостом. Даже собаки смотрят по сторонам, прежде чем дорогу перейти. И кто из нас венец творения?

– Что дружок, проводить меня пришел? – почесав пса за ухом, сказала я. Нечем мне тебя угостить.

По трассе со свистом в город пролетело авто. В пятистах метрах от остановки установлена памятная стела с годом основания города Омска.

До черты рукой подать, – думала я. Совершить побег и все закончить. Нет, не хочу, теперь здесь моя жизнь. Здесь новая я. От прежней Саши не осталось и следа. Автобус долго не шел. Я залезла в проезжающую мою остановку без опозна-

вательных знаков маршрутку.

– До города идете?

Водитель в белой замызганной фуражке кивнул головой. Маршрутка подпрыгивала на кочках, как мячик попрыгунчик, развеивая по салону дурмящий букет ароматов от спелых ягод и цветов, перебивая стойкий запах бензина.

Цветной картридж в принтере закончился. Увы. Парадоксальная способность у этого города, в яркий ясный пышущий летом день, сохранять грязное и серое одеяние. Беспрерывный бег и спешка. Будни. Время, проведенное на природе, вне стен города, можно сравнить с тягучей жевательной резинкой. Оно тянется медленно и бесконечно. На природе все по-другому, там ты управляешь временем, а не время управляет тобой. Встраиваясь после долгого отсутствия в городской ритм и сутолоку на улицах, где потоки машин, светофоры и пешеходные переходы, натурально ощущаешь себя пришельцем.

– Санечка, приехала! – обнимая меня на пороге, не дав поставить котелки на пол, говорила Алла Николаевна.

– Здравствуйте! Я не рано к вам заявила? – снимая рюкзак, спросила я.

– Румянец здоровый появился, – говорила она, ущипнув меня за щечку. Природа пошла тебе на пользу. Я со вчерашнего дня в отпуске.

– А это вам, гостинцы от нас с тетей. Дары сада, – говорила я, компактно размещая котелки с малиной, крыжовником и

клубникой в тесном коридоре.

– Куда мне одной столько, Санечка. Спасибо.

– А это Оле, – передавая ей цветы, сказала я.

– Белые. Поставим в ее комнату? Идем.

Мы вошли в комнату Ольги. На столе стоял ее портрет в рамке формата А4, с напечатанной мною фотографией из предоставленного Аллой Николаевной семейного фотоархива. Длинноволосая огненно-рыжая девчонка с игривыми серо-зелеными глазами, с блестящей серьгой на левой брови.

– Могли бы на могилу сегодня съездить, ты ведь не была еще, – говорила она, расправляя стоявшие в вазе лепестки роз. Вот только нельзя к ушедшим приходить в день их рождения. Двадцать лет исполнилось бы моей доченьке. Спасибо тебе Санечка и брату твоему за помощь и деньги на памятник.

– Съездим как-нибудь вместе, – говорила я, смотря в Ольгины глаза на портрете.

– Все вместе? – переспросила она.

– Мы с вами. Вы и я.

– Да, конечно. Спасибо за то, что приехала сегодня. Останешься с ночевкой? – спросила Алла Николаевна.

– У меня автобус на семнадцать часов.

– Куда тебе спешить? Оставайся, – уговаривала она.

– Не могу тетю одну на даче бросить, она волноваться будет, – сказала я, не подумав. Алла Николаевна опустила глаза вниз.

Я пекла блины под рассказы о курьезных случаях из ольгиного детства. Смех сквозь слезы. О найденной внутри учебников тетради с заметками я рассказывать не стала. Отобедав, мы переместились в зал. Алла Николаевна намыла малины, достала из секретера связку из семи тяжеловесных советских фотоальбомов и под села ко мне за стол, покрытый белой хлопковой скатертью.

– Это я Олечку в ванночке купаю, – сказала она, первым открыв красный альбом. Дедушка снимал, на наш четвертый ФЭД; а это мы на каруселях в парке водников, – говорила она, поглаживая фотографии; Олечка в бабушкином медицинском халате и колпаке. В доктора играет.

– Забавная девчушка, – говорила я умиляясь.

– Вот Олечка с букетом астр на линейке в первом классе. Будто вчера было. Здесь ребяташки дворовые, друзья, – перелистывая страницы, говорила она. О, а это мои студенческие годы пошли, но мы их ворошить не будем.

– Отчего же, мне очень интересно взглянуть, – из вежливости сказала я.

– Правда?

– Правда. Я люблю старые фотографии. Любые; свои, чужие. Люблю разглядывать застывшие мгновения.

– Ну, тогда поехали, – сказала она, открывая альбом.

– И у меня такое есть, – восторженно сказала я, увидев фото молодой Аллы Николаевны около омского трамплина²⁶.

²⁶ Омский музыкальный театр

– Это первый курс. Так, идем дальше. Девушки, компания нашего факультета. Эта ушла со второго курса; а эта будет у вас фармакологию вести, – сказала она, показывая на девушку во втором ряду вынув из альбомной вставки общее фото. Мы девчонками крепко дружили с ней. Их семья в соседнем доме жила, она на два курса старше училась. Когда группа выпустилась, все, кто куда, а она сразу замуж за главврача выскочила в больницу, где интернатуру проходила. Деловая вся стала, пройдет не поздоровается, нос воротит, – рассказывала Алла Николаевна, А недавно неприятность случилась у них. Сына ее выперли с четвертого курса меда, за прогулы и дебош, так она в Москву летала мосты наводить, а вернулись вместе с сыночком. На кафедре нашей слухи нехорошие поползли, и она его подальше, с глаз долой запрятала. Мишка на мать не похож, вот отец у него добрый был.

– Мишка? – оживилась я, услышав знакомое имя.

– Мишка. Мальчишкой с Олечкой в песочнице играли, потом они в другой район переехали.

– А как он выглядит?

– Я его мало видела, к матери на работу заходил. Миловидный. Она в больнице работает, у них как от отца не стало, она ставку взяла у нас на кафедре.

Настенные часы дали бой. Шестой час.

– Блин, автобус, – сказала я. Вызову такси.

– Зачем такси, оставайся ночевать. Дай мне телефон, я тете позвоню, объясню, что заболтала тебя, – обрадованно

говорила Алла Николаевна.

Напарило дождя. Тонкая зеленая полоска горизонта отделяла тучное серое небо от реки. Я смотрела на разбегающихся врассыпную по набережной от грозы людей из окна ольгиной комнаты. Мы еще долго просидели за разговорами. Я украдкой выпытывала у нее подробности о Мишиной истории. Я сердцем чуяла, что это мой Миша, ну, в смысле дачный, но она толком не могла ничего объяснить.

Алла Николаевна принесла постельный комплект, я попросила ее постелить для меня в зале.

– Значит за прогулы и дебош, и поэтому ты чуть не утоп? – лежа в постели, думала я, мысленно составляя диалог для будущего с ним разговора. Сплю на новом месте, приснишь жених невесте. Вдруг сработает.

И снится мне сон. Мои длинные золотистые волосы полочет ветер. Мимо меня по песчаному берегу Иртыша бежит к воде босой молодой парень, одетый в кипенно белый медицинский халат. Стой! Не лезь туда, – кричу я ему в след. Я не могу сдвинуться с места. Падая с высоты своего роста, я ползу к воде, загребая руками горы дурно пахнущего песка. Стой! Доползая до воды, на ребристой глади я вижу ее лицо. Ольга! Резким толчком меня выкидывает из сна.

Я сидела на диване в темноте и разминала мышцы на правой ноге, схваченные судорогой. Как же меня заколебало решать эти ребусы, – шептала я, отдышаваясь ото сна. Встав с дивана чтобы расходится, на пол с глухим звуком что-то

упало. Я щелкнула выключатель торшера. На пол с подлокотника дивана свалился недосмотренный фотоальбом Аллы Николаевны с ее студенческими снимками.

В коридоре зажегся свет. В зальной двери со стеклянными вставками показался тонкий силуэт. Я разбудила Аллу Николаевну.

– Санечка, что за гром? У тебя все в порядке? – спросила она, приоткрыв дверь.

– Все в порядке, ложитесь спать, – сказала я, согнувшись в три погибели собирая разлетевшиеся по ковру фотографии. Не пугайтесь, я сейчас же все верну, как было.

– Что-то не спиться мне. Послышался хлопок, я встала проверить.

– Простите мою неуклюжесть.

– Это я виновата, забыла убрать на место альбом, – подключившись помогать, сказала она.

Собирая с пола фотографии, к моей стопе нечаянно прилип снимок. Шустрым движением, пока Алла Николаевна не видит, я рукой отцепила фото. Мое сердце в то же мгновение ушло туда, откуда я сняла фотографию.

– Кто это? – спросила я Аллу Николаевну, показывая на усатого парня, сидевшего в первом ряду на коллективной черно-белой фотографии. Она забрала из рук моих снимок и села на диван.

– Правда, похожи?

– Кто похож? – трясась от нетерпения, говорила я.

– Оля на отца. Похожи, правда? Я упала рядом с ней на диван.

– Похожи. А где он сейчас? – торопливо спрашивала я.

– Не знаю, – коротко ответила она.

– А имя его можно узнать?

– Да зачем тебе Санечка, это все уже давно не важно, – убирая фотографию в альбом, сказала она.

– Важно. Имя скажите.

– Так настаиваешь, – искоса посмотрев на меня, сказала она. Павел Мельников, отец моей Олечки.

– ОТЕЦ? ОЛЬГИН ОТЕЦ? – с выражением проговорила я.

Я много раз видела эту фотографию в мамином альбоме. Студенческое фото моего дяди Паши, но я всегда думала, что он выпускник алматинского меда. Как они могли вместе учиться? И самое главное, как он мог быть отцом Ольги? Радость вперемешку с печалью. Сдерживаясь через силу, чтобы не выдать своих эмоций, я продолжала допрос.

– Почему не знаете где он, что с ним случилось?

– Не знаю, Санечка, не знаю.

Я щипала себя за ногу, потому что в достоверность происходящего сейчас, в этой комнате, я поверить не могла. Моя подруга – моя двоюродная сестра.

– Как же Ольга? Вы ей не рассказывали об отце?

– Никогда.

– Да почему?

– Павел сбежал от меня, еще до рождения Оли.

– Куда сбежал?

– К себе на родину, невеста его там ждала. Кстати, Санечка, он твой земляк, – говорила Алла Николаевна, – улыбнувшись, подметив совпадение. Ей давно некому было выговориться.

– Он что, сам про невесту вам сказал?

– Нет, в письме. Передал через нашего однокашника.

– Ну, допустим. Вы про ребенка, почему не сказали ему?

– В тот момент я не знала сама.

– Искать его пробовали?

– Какой в том смысл. У него сейчас семья, дети. Видимо у него любовь забылась быстро.

– Да почему вы знаете? Может, у него нет ни детей, ни семьи, – зная, как на самом деле обстоят дела, говорила я.

– Санечка, давай спать, – зевая, говорила она.

– Да какой спать, утро скоро. Расскажите мне все детально, – на взводе говорила я. Прошу вас.

– Ну что рассказать, – встав с дивана закрыть окно, сказала она. Учились вместе. Приехал с Казахстана, видный парень был, полюбили друг друга, на последнем курсе пожениться собирались. Мать моя была против нашего брака. Не нужен ей был зять «казах». Видите ли, он со мной только из-за нашей квартиры. Лимита приехала, на жилплощадь зарится. А мама тогда только что эту квартиру получила. Престижной считалась. На набережной. Палки в колеса вставля-

ла Павлу по учебе, короче говоря, всячески нам препятствовала. Папа был не против Павла, он ему нравился даже. А потом письмо это разнесчастное, а я на первом месяце. Мать узнала когда, договорилась за аборт. Не нужен нам этот ребенок. Папа вмешался в ее планы, отстоял нас с Олечкой. Тяжелое время было. Плюс перестроечные моменты все. Когда отца не стало, она понемногу начала смягчаться, внучка все-таки единственная, а по мере взросления внучки, так и вообще души в ней не чаяла.

– Вы замуж не вышли больше, потому что ваша мама не хотела?

– Нет, не поэтому. Знаешь Санечка, не проходит первая любовь никогда. Если это была настоящая любовь.

– Вы письмо сохранили?

– Сожгла.

– Весь сыр-бор из-за вот этой вот квартиры? Я правильно понимаю? – засмеявшись от нелепости ситуации, спросила я.

– Отчасти ты права. В итоге никому она теперь не нужна эта квартира. Даже мне не хочется здесь находиться.

Проспав утренний автобус, я успевала только на вечерний. Я не открыла ей правду о себе. Мне нужно было разобраться во всей этой истории подробно. Собираясь в дорогу, я приглашала Аллу Николаевну в гости к нам на дачу. Миша совершенно вылетел из моей головы. Я не думала ни о ком кроме дяди. Спускаясь по подъездной лестнице, я набирала маму, уж она-то должна была быть в курсе произошед-

шей драмы. В пути от набережной до автобусной остановки, я слушала мамин рассказ, собирая в голове пазл этой истории. Как оказалось, дядя Паша, не сбегал ни к какой невесте, а напротив, это он получил письмо от матери Аллы Николаевны, в котором говорилось, что Алла выходит замуж и желает забыть о Павле навсегда. Он не стал мешать ее счастью, и вернулся домой. Дядя настолько сильно любил Аллу, что так и не смог создать другую семью.

С одной стороны я была рада открывшейся тайне, а с другой, мне было обидно за дядю и за Олю. Он уже никогда не сможет увидеть родную дочь, а Оля так и не узнала кто ее отец. Я обязательно расскажу дяде, какой маленькой, но необыкновенно сильной девушкой была моя сестра. Теперь я понимала, почему он был редким гостем в нашем доме. Старые раны. Стандартные стены. На ум тут же пришли слова соседки-гадалки. про бабку с грехом, про сестру. Неужели она была права? А вот русские классики были правы вдвойне, за всяким преступлением рано или поздно приходит наказание, да и квартирный вопрос сгубил не только москвичей. Почему дети должны страдать за грехи своих предков? Ни в чем не повинные дети, – размышляла я, повиснув на поручне, стоя в трясущемся автобусе.

В кустах, недалеко от водоема стояла припаркованная машина Чингиза.

– Не поняла, – сказала я, прибавив шагу. Только бы с тетей ничего не случилось, – подумала я.

Зайдя в открытую калитку, я застала Чингиза за поеданием малины.

– Чина, ты чего здесь делаешь? Привет, – сказала я, не ожидая увидеть его.

– Сашка, привет, – с полным ртом, отвечал Чингиз. Эмма Рудольфовна позвонила и попросила приехать, вас обратно перевозить.

– А где сама Эмма Рудольфовна? – чуя неладное спрашивала я.

– К соседке на минутку ушла.

– Давно?

– Час назад как.

– Ясно. Ты ешь не стесняйся, – похлопав между лопаток поперхнувшегося Чингиза, сказала я.

– Сашка, мир? – произнес он, тянув мне липкую руку.

– Да конечно, дружище. Слушай, – сказала я, посмотрев на часы, – я мигом на колонку сгоняю ладно? Прикроешь меня, если тетя раньше вернется?

– Окей.

Докинув рюкзак до крыльца, повернувшись в сторону выхода, мы нос в нос столкнулись с тетей в проеме калитки.

– Александра, вернулась уже. Ты куда?

– Да вот думаю за водой сходить надо, – отвечала я, бегая глазами.

– Чингиз уже сходил и на колонку за водой, и огурчики полил, – говорила довольная Чингизом тетя. Я бросила на

него грозный взгляд, а он как ни в чем не бывало продолжал лопать ягоду.

– До меня тут слух дошел, что мы в город переезжаем, с чего такая спешка? – спросила я, вступив в игру с заговорщиками.

– На работу меня вызывают. Надо ехать.

– Какая еще работа, вы же на пенсии.

– Так работать некому, вот меня и дергают, – с хитрыми глазами сказала она.

– Бардак какой, – с иронией, мотая головой, говорила я.

– Вот что ребята, давайте мойте руки, я сейчас на стол накрою, – быстро засуетившись, сказала тетя, увиливая от разговора.

Под неусыпным контролем тети, мы сидели за столом на кухне.

– Ты куда? – в сотый раз спрашивала она.

– Воздухом подышать. Можно? – отвечала я, ощущая себя заключенной.

– Вещи все собрала?

– Завтра утром соберу.

– Завтра с утра мы должны быть в городе.

– Психанув, я полезла наверх.

Все одно к одному. Мне было тошно от внезапной холодной перемены тетиного ко мне отношения.

– Эмма Рудольфовна, – вдруг сказал Чингиз, а давайте часть вещей мы сейчас перенесем, а остальные завтра, а Са-

ша мне поможет.

– Что ж, хорошая идея, – сказала тетя.

Мы вышли с Чингизом на крыльцо. День пошел на убыль. Осень скоро.

– Сашка, что у вас с тетей произошло? – спросил меня Чингиз, закурив.

– Сама не понимаю. Ты зачем курить начал?

– Так, для солидности.

– Чина, можешь помочь мне в одном деле?

– Все что угодно.

– Мне нужно увидеться с одним человеком, – сказала я.

– Сейчас?

– Да, сейчас.

– И где он?

– Здесь недалеко. Проводишь меня?

– Идем.

Мы пошли вверх по тропинке к участку Михаила. Полумесяц освещал нам дорогу.

В окнах не было света. Я попросила Чингиза остаться за воротами. Войдя в неуютный двор, я в потемках, наощупь пробралась до двери. Я не могла не объясниться с ним. На мой стук в дверь никто не отвечал.

– Зачем пришла? – послышался усталый голос. Он обратился ко мне на «ты». Я обернулась. В беседке, при свете плохо освещающего, висевшего внутри фонарика, сидел Михаил с распущенными волосами и бутылкой в руках.

– Привет, – сказала я, едва не запнувшись, спускаясь с крыльца.

– Зачем пришла, спрашиваю.

– Пришла поговорить и извиниться за то, что не пришла позавчера, да и вчера, и сегодня, – говорила я паузами, опустив вниз голову.

– Да ничего, я все понимаю, – выйдя из беседки, направляясь ко мне, сказал он. Заниматься надо будущему врачу, все понимаю, доктор Саша, – грубо говорил он, обходя вокруг меня с бутылкой пива в руках. Я стояла не шелохнувшись.

– Как узнал?

– Тетя твоя популярно объяснила. Девочке заниматься надо, не дури ей голову, де-во-чка на врача учиться, – говорил он, отчеканивая каждое слово.

– Буду учиться, и что в этом такого, – сказала я, крутя головой, не успевая следить за его движениями.

– Вот скажи мне доктор Саша, ты зачем в медицинский поперлась? А? Ну скажи. Что ж вам сука всем там мёдом намазано что ли?

– Ты выражения то выбирай.

– За льготами наверно да? Соцпакетом? Я же прав? – кричал он, продолжая ходить вокруг меня. А, или за квартирой? Что молчишь? Прав я да? Прав?

– Нет, – не находя что ответить, сказала я, шокированная его поведением.

– Пра-ав, – протяжно сказал он. Пристроиться в частную клинику и бабло рубить. Превратили светлый образ врача в мошенников. Людям страшно в больницу ходить. Люди доверять медицине перестали из-за таких вот алчных недоучек. Аа, а это, наверное, тот самый жених пожаловал, – сказал он, увидев вошедшего на крики во двор Чингиза.

– Ты че несешь? – отключив опцию дипломатия, говорила я. Какие мошенники? Какой жених? Раз уж пошел такой разговор, у тебя у самого то, рыло в пуху. За что тебя отчислили? За хорошее поведение? А? Дебошир?

От моих слов у него вспыхнули глаза.

– Откуда ты про это знаешь? – успокаиваясь, спросил он.

– Оттуда. У меня свои каналы информации.

– Моего отца в московской клинике не спасли, из-за урда который под кайфом был, когда отцу операцию на сердце делал. А его даже не наказали никак, потому что его мать главврач. Сидел на теплом местечке, отсиживался, карьеру строил.

– Не все же такие. Есть и хорошие врачи.

– Нет хороших врачей, Саша. Нет, – разводя в стороны руками, говорил он. Каждый только о своем кармане печется, а на людей, на простых больных людей им до фонаря. Со всем стали забывать, что врач это призвание.

– Чингиз, оставь нас, пожалуйста, – попросила я недоумевавшего Чингиза.

– Я рядом, – сказал он, выйдя за ворота.

– Если правильный такой, учился бы хорошо, не прогуливал пары, и из тебя бы глядишь, хороший врач получился, – говорила я Мише.

– Там все искусственное, все не натуральное, – не слыша моего вопроса начал он. Каждый если не с личной выгодой, так из династии. У меня девушка была, она не могла поступить в медицинский, мозгами не дотягивала, понимаешь, – сказал он, постучав пальцем по виску. Поступила в экономический, отучилась первый год, а потом в медколледж залезла, хоть на медсестру отучиться, главное в медицинской теме быть, чтобы квартиру получить. Она и со мной встречалась, потому что я из семьи врачей, а как узнала, что меня отчисляют, ушла от меня к другу моему, студенту медику.

– И ты из-за нее утопиться хотел? – успокаивающе говорила я. Почему тебя отчислили?

– Я сломался. Мой идеальный мир сломался. Когда тебя встретил, думал вот она, настоящая девушка, я увидел в тебе свет, Саша, родную душу, понимаешь? А ты оказалась такой же, как они все, – вскинув вверх руками, сказал Миша, уходя к беседке.

– Да ты и представить себе не можешь, что мне пережить пришлось, чтобы прийти к решению стать врачом, – кричала я вслед уходящему Мише. Ты не видел, какой я была ровно год назад. Меня наизнанку выворачивало от одного упоминания, от родственников снобов, от родной матери, что изо дня в день вбивала в мою неокрепшую психику, как это по-

четно и престижно, когда друзья и родственники идут к тебе на поклон.

– И ты пошла в мед.

– Нет, я сбежала от матери в этот город.

– Я тебе не верю, – говорил он, вернувшись в беседку. Я стояла на месте как вкопанная и нервно кричала, объясняя ему, насколько он заблуждается в отношении меня.

– У меня сестра умерла от лейкемии, ты ведь знал ее, это Ольга, Ольга Портнова, – кричала я. Так вот, только благодаря ей я поняла, что я должна помогать людям. У нее получилось перевернуть мой мир. Она своим примером показала мне, что значит жизнь.

– Она умерла? Когда?

– Год скоро, – перейдя на ровный тон, говорила я.

– Я не знал об этом.

– А теперь Миша, просто представь, когда ты, налицо по справедливости рассуждающий с правильными гуманными врачебными задатками человек, обрубаешь себе дорогу в медицине, из-за случайным образом залетевших в медицину людей, просто подумай, кто остался там, откуда ты с позором бежал? Кто придет на твое место? Кто вместо тебя будет лечить людей, нуждающихся в хорошем специалисте? Я, наверное, пойду, мне больше нечего тебе сказать. А ты сиди и жалей себя, заливая свои душевные терзания алкоголем.

Держа себя в руках чтобы не разревется, я вышла за ворота к Чингизу, со всего маху бросив калитку. На утро мы

были уже дома.

– Алла Николаевна, идемте, я познакомлю вас со своей семьей, – говорила я, открывая парадные двери здания университета.

– Идем, Санечка.

– На солнечном Любинском проспекте, у памятника слесарю Степанычу с букетами цветов поздравляя меня с первым сентября, стояла вся моя семья; мама, довольная моим поступком, тетя Эмма, довольная своим поступком, задумчиво-печальный дядя Паша и брат, просто брат.

– Знакомьтесь, это моя мама Октябрина Дмитриевна. С братом и тетей вы уже знакомы, а это, – говорила я с трепетом, наблюдая за реакцией их обоих, – мой дядя. Они смотрели друг на друга так, словно не было никакой разлуки на эти долгие двадцать лет.

– Так, – хлопнув в ладоши, сказал брат. А теперь все едем в ресторан, вон сколько поводов!

Справедливость торжествовала.

– Санечка, – отведя меня в сторону, сказала Алла Николаевна, и у меня для тебя сюрприз имеется. Она глазами подавала мне знак, чтобы я обернулась. Сзади нас с букетом красных роз стоял Михаил. Отныне дожди для меня просто условность.

Люди меняются. Кто бы что ни говорил, кто бы ни назы-

вал это явление научно обоснованным, люди меняются. Мы меняемся, встречая на нашем жизненном пути людей, проникающих в наши души, мысли, идеи, принципы, которые волей-неволей меняют наши, казалось бы, устойчивые идеалы и ориентиры. Неизменной остается только любовь. Настоящая любовь.

Мы втроем, как я и сказала Алле Николаевне в случайно оброненной фразе, все вместе, стояли на могиле моей сестры, Портновой Ольги Павловны. Дядя плакал, обнимая памятник дочери с высеченной на обратной стороне эпитафией:

Стая воронов надо мной

Будет долго кружить – кружить

Прорублю я окно в стене

Чтобы крикнуть в хрип – НАДО ЖИТЬ!

Послесловие

Ольга бежала вдоль берега омского Иртыша, держа в крохотной ручонке воздушного змея.

– Олечка, не беги быстро. На песке могут быть разбитые стекла, – кричала я своей маленькой пятилетней сестренке.

– Хорошо тетя Шаша!

Алла Николаевна обрела большую семью.

Чингиз встретил свою настоящую любовь на нашей с Мишей свадьбе. Ей стала моя одногруппница Мадина, приехавшая из Алматы в российский Омск получать высшее медицинское образование. Они вместе вернулись на родину. Теперь, где-то на сочных жайляу, под палящим казахстанским солнцем, бегают черноволосая девчушка с несвойственным в этих краях именем Саша.

Миша получил красный диплом. Теперь он врач хирург. Ну а я, доктор Саша, прохожу интернатуру в детском гематологическом отделении, готовясь, стать настоящим врачом. По зову сердца. По призванию.